

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

На войне

Глава из книги

«Народный писатель Карелии Антти Тимонен»

Предлагаемая читателям статья является фрагментом книги является фрагментом книги доктора филологических наук Ю.И. Дюжева

«Народный писатель Карелии Антти Тимонен».

Работу над которой автор намерен завершить к 100-летию со дня рождения писателя, которое будет отмечаться в 2015 году.

В статье, основанной на хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия военных дневниках А.Н. Тимонена и воспоминаниях родных, восстанавливаются страницы его участия в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

«На полях битвы я научился понимать цену жизни по-другому, чем понимал раньше, научился любить жизнь всей силой души, всей теплотой своего сердца».

(А.Тимонен. Запись в дневнике от 12 июня 1945 г.)

Будучи призван Кемским военкоматом на курсы радистов в июне 1939 г. и окончивая их в конце августа, А.Тимонен не сознавал в полной мере, что «в воздухе пахнет грозой». В своё время он был освобожден от призыва в армию из-за слабого зрения. Но для профессии радиста, посчитали в военкомате, зоркое зрение не нужно, и вскоре после окончания курсов, 23 сентября 1939 года, А.Тимонен был мобилизован в Красную армию. Согласно сведениям из военного билета, с сентября 1939 г. по август 1940 г. он проходил военную службу в составе 337-го стрелкового полка 54-й

стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, в том числе участвовал в боевых действиях с ноября 1939 г. по март 1940 г.

«Поводом» для начала Советско-финляндской войны послужил инцидент, происшедший 20 ноября 1939 г. в районе пограничной деревни Майнила. По сообщению ТАСС, финская артиллерия обстреляла подразделение Красной армии, что отрицается финской историографией. 28 ноября Советский Союз в одностороннем порядке денонсировал пакт о ненападении с Финляндией. Выполняя указание правительства, Красная армия отдала приказ войскам Ленинградского военного округа перейти границу. 30 ноября 1939 г. начались боевые действия.

План командующего Ленинградским военным округом К.А.Мерецкова и его штаба был направлен на мощный первоначальный удар, что должно было обеспечить советским войскам победу в короткий срок: «на Видлицком направлении – в течение 15 дней, на Карельском перешейке – 8-10 дней при среднем прохождении войск 10-12 километров в сутки». Однако оказалось, что финская армия была хорошо организована, вооружена и обучена. Советские же войска были слабо подготовлены к действиям в условиях бездорожья, в лесисто-болотистой местности. Разведка плохо изучила противника. Красноармейцы были не обучены ведению ближнего боя, взаимодействие часто нарушалось, связь была неустойчивой. Всё это довелось испытать на себе назначенному радистом и переводчиком при штабе А.Тимонену, который первое боевое крещение получил у озера Саунаярви, где отряд столкнулся с подразделением противника. «Мне было страшно, – вспоминал А.Тимонен. – Внутри у меня всё напряглось. По неопытности я не мог понять, почему со всех сторон летят пули, тогда как стрелков не видно. Бой продолжался и в темноте, которая в начале декабря наступает очень рано».

Поскольку вести дневник в условиях боевых действий А.Тимонен не имел права, лишь позднее он написал рассказ о пережитом под названием «Радист». Герой рассказа, радист штаба Иванов, получает задание установить связь с ротой, ушедшей в тыл врага. У неё тоже есть свой радист, с которым Иванов вместе учился на курсах при военкомате. Вскоре связь ухудшается. Иванов советует другу включить запасной аккумулятор, но узнает, что его нет в наличии, что рота понесла большие потери, окружена. Иванов передает приказ командира: уничтожить аппаратуру и ждать подкрепления. Когда бойцам удастся оттеснить противника, они находят убитым ротного радиста рядом с разбитой им рацией: «Пальцы голой руки судорожно вцепились в окровавленный снег, голова склонилась на-

бок. Он напоминал сейчас маленького слабого ребенка, которого можно поднять на руки и отнести в теплую, мягкую постель». Между описанием боя в рассказе «Радист» (который происходит декабрьской ночью) и переживаниями молодого бойца в воспоминаниях писателя есть сходство в эмоционально остром ощущении смерти, которая неожиданно-негаданно может на войне уложить каждого солдата, как ребенка, в «теплую, мягкую постель».

В последующем А.Тимонену не раз придется хоронить боевых товарищей, и не всегда их смерть была героической. Многие пали жертвой отсутствия в Красной армии командиров, имевших достаточный боевой опыт. Именно в «зимней войне» пришлось пожинать горькие плоды сталинских репрессий 1937–1938 годов, когда было уничтожено около 50 тысяч командиров и политработников армии и флота. Но тогда, в конце декабря 1939 г., стремясь снять с себя ответственность за военные неудачи и общее состояние боеготовности войск, Ворошилов писал Сталину и Маленкову: «Считаю необходимым провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков». В боевых частях и соединениях снова прокатилась волна репрессий. Широко практиковалось проведение ускоренных судов, а затем расстрелов осужденных перед личным составом войск.

Об одном из таких случаев жестокой расправы командира с солдатом А.Тимонен рассказал своему сыну Эйно. Приводим этот рассказ в изложении Эйно Тимонена:

Атака дота¹

«После очередной захлебнувшейся под шквальным огнем пулемета атаки командир роты приказал двум солдатам незаметно проползти по березовой роще к доту и забросать его гранатами. Как известно, березовые рощи густыми не бывают. А тут вообще было мелколесье. За такими деревьями не то что человека, а даже руку не спрячешь. А немногочисленные кочки тоже не спасут. Выползая из-за них все равно надо. После очередной короткой автоматной, а может пулеметной, очереди ротный приказал ползти еще двоим. Одному приказал отвлекать огонь на себя, прячься за деревьями, а второму в это время короткими перебежками двигаться вперед. Естественно, еще две смерти. После команды оче-

¹ Воспоминания А.Тимонена «Атака дота» в изложении Э.Тимонена переданы автору этой статьи 24 апреля 2012 г. Ранее эти воспоминания в измененном виде Э.Тимонен использовал в своей повести «Под чужим именем».

редной двойке выполнить таким же образом поставленную задачу один из солдат отказался. Командир повысил голос: «Приказываю ползти и забросать дот гранатами!» На что солдат ответил: «Не поползу. Это верная смерть». Ротный разъярился: «Что, саботаж?» и выстрелил солдату в голову. Второй солдат испуганно пополз, извиваясь, между кочками в сторону дота. «В атаку!» – закричал командир, поднимая роту. Несмотря на шквальный огонь, ценой многих жизней (в живых, как рассказывал отец, осталось только восемь человек) дот был забросан гранатами и уничтожен. Отец в это время был радистом, обеспечивал связь с командованием, а потому в атаке не участвовал. Возвращаясь после атаки, ротный увидел прислонившегося спиной к березе «убитого» им солдата. Он сидел, обхватив раненую голову, и монотонно выл. Лицо командира перекосила злоба: «Я тебя стрелял, почему не умер? Я тебя стрелял, почему не умер? Встать, сволочь, когда с тобой разговаривает командир!» Выхватив из кобуры пистолет, ротный стал стрелять в голову, грудь и опять в голову раненого. Когда обойма кончилась, он в исступлении вставил вторую обойму и продолжал расстреливать труп, крича: «Почему, гад, не умер?!» – до тех пор, пока не закончились патроны.

Как рассказывал отец, ни одна шальная или случайная пуля так и не достала командира роты, хотя такое на войне иногда практиковалось».

7 января 1940 г. был образован Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга С.К.Тимошенко. Подтянули подкрепления, обучили войска действиям при прорыве сильно укрепленной обороны. И только после дополнительной подготовки удалось прорвать «линию Маннергейма» и взять Выборг.

Советско-финляндские переговоры, проходившие с 8 по 12 марта, завершились подписанием мирного договора. Но Красная армия продолжала наступление и 13 марта, воспользовавшись тем, что договор о мире вступал на следующий день в 12 часов по ленинградскому времени. Постепенно по всей линии фронта прекратилась перестрелка, и противостоящие друг другу войска начали высылать парламентариев. На ухтинском направлении стать таким «посланцем мира» поручили Антти Тимонену. Он вспоминал:

«14 марта 1940 года. Был парламентарием Красной армии. Помчался с горки на лыжах к финским позициям. Яркое солнце, абсолютная тишина, но я знал, что это за тишина! Меня охранял сильно вооруженный взвод с противотанковыми пулеметами, с четырьмя десятками винтовок и автоматов. Я

вижу еще теперь вражеский пулемет, направленный угрожающим дулом на меня, и как выжидающе за пулеметом лежал солдат в темно-зеленом мундире. И какое странное ощущение охватило меня! Я хотел, чтобы этот вражеский пулемет открыл огонь по мне и пули вонзились бы в меня в этот момент, сделали бы мне приятно – это была бы такая героическая, такая славная смерть! С какой гордостью я тогда сложил бы свою голову! Это был момент, когда я хотел смерти и был так радостно взволнован!.. Сколько было энергии, каким ярким пламенем горела душа!»

Те 105 дней, которые продолжалась «зимняя война», изменили как мироощущение А.Тимонена, так и отношение к нему окружающих. Остались позади грустные размышления о бессмысленности существования, приземленности бытия. А.Тимонен встретился в боевых условиях с проявлениями бесстрашия, долга, высокими понятиями о Родине. Он увидел, что его земляки, лесорубы и крестьяне, со всеми их достоинствами и недостатками, на войне оказываются на вершине самых высоких понятий жизни и смерти. И это реальное знание дала война, когда А.Тимонен столкнулся с будущими героями поближе, прожил с ними важный кусок жизни в тех экстремальных обстоятельствах, когда смерть всегда подвиг. По свежим следам войны А.Тимонен занес в записную книжку два стихотворения на финском языке. Одно из них – «Другу-фронтовику» – написано 23 апреля 1940 г. Позднее в журнале «Punalippi» (1941, №3) А.Тимонен опубликовал «воспоминания о борьбе с белофиннами» «Rykmentti kulki eleenpäin» («Полк наступает вперед»).

После демобилизации А.Тимонена сразу принял на должность специального корреспондента газеты «Totuus» по Тунгудскому и Беломорскому районам. С этой газетой он сотрудничал, будучи на службе в армии. В личном фонде хранится письмо А.Тимонена из Ребол, которым он сопровождал текст посылаемого им очерка и просил в случае его демобилизации отправить ответ по адресу: Ухта, набережная, д.9: «Редакторам. Несколько дней тому назад послал вам стихотворение. Служу в настоящее время в РККА. Во время военных действий служил радистом, потом переводчиком штаба полка».

В редакции газеты ценили молодого журналиста, о чем говорит текст характеристики от 10 мая 1941 г.:

«Тов. Тимонен работает в редакции с 30 июля 1940 г. в качестве корреспондента газеты «Тотуус» по Тунгудскому району. Будучи довольно молодым журналистом, Тимонен все же быстро овладел порученной ему работой и на сегодня впол-

не удовлетворительно с нею справляется. В своей работе широко проявляет инициативу. К поручениям редакции и к обработке материалов относится добросовестно, за что в декабре 1940 г. ему приказом объявлена благодарность и выдана денежная премия. Как один из лучших собкоров газеты, был на доске почета редакции. Активный и растущий работник редакции.

Отв. редактор газеты «Тотуус» Мелентьев».

До июня 1941 г. А.Тимонен работал в газете, регулярно выступая на её страницах с заметками, корреспонденциями и очерками. Но главным – для души – занятием по-прежнему оставалось писательство. В республике к тому времени кардинально изменилось отношение к финскому языку. С окончанием Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР. В Конституции КФСР 1940 г. государственными языками республики вновь утверждались русский и финский. Почти на полвека (вплоть до 1989 г.) вопрос о карельской письменности был снят с повестки дня. Все те десятки стихотворений и рассказов, которые были написаны А.Тимоненом на карельском языке (на основе славянского алфавита), остались невостребованными. Приходилось начинать всё сначала. Но это не смущало молодого автора. Он был полон энергии, творческих замыслов, уверенности в своём писательском призвании. В 1940 году он пишет рассказы «Sillalle» («Мост») и «Ylioppilastyttö» («Студентка»), которые с указанием даты написания позднее включил в рукопись собранного им в 1945 г. сборника рассказов «В долгий путь», так и не попавшего в издательские планы.

Ко времени мобилизации А.Тимонена из рядов Красной армии состав писательской организации Карелии значительно изменился. Из числившихся в марте 1937 года семи членов ССП (Я.Виртанен, Х.Тихля, Э.Паррас, О.Иогансон, Р.Руско, Ф.Ивачев, У.Руханен) и семи кандидатов в члены СП (С.Норин, А.Линевский, Э.Раутиайнен, Э.Виртанен, С.Канканпяя, Э.Лейно, Л.Хело) остались в живых единицы. В Карелии были расстреляны О.Иогансон, С.Канканпяя, Э.Виртанен. Погибли в лагерях Э.Паррас, Я.Виртанен. Приговоренный к десяти годам лагерных работ и отправленный на Дальний Восток Р.Руско был там расстрелян якобы за антисоветскую агитацию. Был осужден и отправлен в лагеря У.Руханен. Были исключены из членов СП Х.Тихля и Л.Хело (Т.Гуттари). Писательская организация республики была фактически разгромлена, и только в 1939 году стали предприниматься шаги по её

восстановлению. В мае 1939 г. членами СП стали В.Чехов, Ф.Исаков, А.Иванов, И.Кутасов, Ю.Никонова. В конце 1939 г. в правах членов СП были восстановлены Х.Тихля и Л.Хело. В 1940 г. в связи с организацией КФСР стала выходить газета «Totuus». В августе 1940 г. был сдан в набор первый сдвоенный номер журнала «Punalippu». Всего вышло в 1940 г. шесть выпусков журнала. Материал для каждого номера добывался с трудом. К тому времени писавших на финском языке авторов оставались единицы: Л.Хело, Х.Тихля, В.Эрвасти, А.Эйкия. В итоге в жанре прозы за весь 1940 год в журнале появилось всего 10 публикаций, авторов было шесть: А.Эйкия, Х.Тихля, В.Эрвасти, М.Ремшу, Ф.Ивачев и А.Тимонен, который опубликовал небольшой очерк (1940, №6).

А.Тимонен в числе молодых авторов был приглашен на состоявшийся в Петрозаводске с 22 по 25 декабря 1940 г. Первый съезд советских писателей КФСР. В работе приняли участие 22 члена и кандидата ССП КФСР, 14 ленинградских и московских писателей и фольклористов. В прениях было предоставлено слово и Антти Тимонену:

«Я пишу сейчас для себя, а потом мне будет интересно прочесть, что я написал. Я работал и работаю в сельской местности учителем или газетным работником. Большую часть жизни прожил в деревне, и если наблюдать то, что там творится, то это очень интересно и стоит описывать. Только у нас некому писать. Надо писать о простых колхозниках, которые изо дня в день перевоспитываются. Я лично знаю многих людей, которые изменились в течение десяти лет и стали неузнаваемыми. Одного человека я знаю в течение 15 лет. Он очень упорно работал в своем единоличном хозяйстве. Когда началась коллективизация, он был самым большим противником коллективизации, у него даже были иногда антисоветские настроения, но потом он вступил в колхоз. Его, как бедняка, приняли. В 1933 году его судили за расхищение общественного имущества. В прошлом году с этим человеком мне пришлось быть на фронте. Этот же самый человек стал героем. Он совершил такие подвиги, что не каждый сумеет сделать. Ночью с ручным пулеметом он пробрался через цепь противника и открыл по нему огонь. Все поручения, которые ему давали, он выполнял и в бою не жалел своей жизни. Его сейчас все считают героем, но это простой человек. В обычной жизни он ругается, ревнует, пьянствует и т.д. Это простой человек, но это советский патриот. Почему бы нам не показать такого живого человека? А я пока этого не видел в нашей литературе. Очень важно изучать жизнь, характер людей в обычной

обстановке. Я прошу писателей: приезжайте в колхоз, изучайте простого человека»².

Скорей всего, когда А.Тимонен говорил о колхознике, которого судили за расхищение общественного имущества, он имел в виду своего приятеля, который пришел к нему 28 ноября 1938 года и поведал о беде, постигшей его в должности председателя колхоза: недостатке в подведомственном ему магазине. Об этой встрече А.Тимонен написал в своем дневнике. Через год с небольшим, сам воюя, А.Тимонен узнал, что его знакомый проявил себя храбрым солдатом во время «зимней войны». Этот случай как нельзя лучше подтверждал вынесенную А.Тимоненом из пережитого на войне веру в человека, в лучшие его качества. Вот и решил А.Тимонен провести в своем выступлении мысль, что любовь к человеку, родине, земле и есть главные ориентиры гуманистического пафоса писателей.

Однако поскольку с образом героев литература социалистического реализма сопрягала большие общественно-политические, идеологические проблемы времени, выступление молодого прозаика было подвергнуто критике гостем съезда, ленинградским драматургом Д.Щегловым:

«Тут выступал товарищ, который интересно говорил. Он хотел видеть героя, который бы в жизни был ревнив, выпивал и т.д. Я хочу с ним поспорить. Считаю, что неполноценность и будет признаком живого человека. Это ошибочная теория, совершенно неправильная, неверная... Но, с другой стороны, я спрашиваю, может ли быть без противоречий произведение? Будет ли достаточно для пьесы того, что человек всем только восторгается? Нет, конечно. Но противоречивым для нашего героя является неугомонность мысли! Неугомонность мысли – это значит, что герой не удовлетворен тем, чего он уже достиг, он неудержимо стремится к лучшему, к созиданию, к перестройке мира. Вот основа нашего героя».

Конечно же, А.Тимонен не мог согласиться с утверждениями Д.Щеглова. Зрение прошедшего «зимнюю войну» молодого писателя вбирало в сердце действительность во всем многообразии красок, переплетений, деталей и подробностей. Он уже не мог, как в первых своих литературных опытах, останавливаться на чем-то одном, а видел жизнь во всей её сложности, был готов к работе над многоплановым произведением с широким охватом событий. Однако вновь «запахло грозой». В марте 1941 г. А.Тимонен был призван на военные сборы радистов, по окончании которых получил звание младшего сержанта.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. «Я работал тогда в селе Лехто, в районном

центре бывшего Тунгудского района собкором газеты «Тотуус», – вспоминал А.Тимонен. – Под утро вернулся из соседней деревни. Радио было выключено, чтобы я мог спать. Проснувшись, я пошел в парикмахерскую. Там люди сидели молча, сосредоточенные. Я спросил, что случилось. Ответ был лаконичным: «Война». Народ собрался на митинг на площади. Почти все учреждения работали, несмотря на выходной. А в следующий день, в понедельник, я получил назначение начальником команды, которая отправлялась на фронт, на ухтинское направление. В нашей команде было сорок человек: ветераны Гражданской войны, участники финской войны и были такие, которые в своей жизни стреляли только на охоте. Я лично был из тех, кто был обстрелян во время финской войны. Боевое крещение я получил в 24 года». По прибытии на место дислокации части А.Тимонен был зачислен в 81-й Краснознаменный стрелковый полк 54-й стрелковой дивизии на должность переводчика штаба полка.

А.Тимонен оказался поблизости от места своего рождения – на ухтинском направлении. Здесь 1 июля перешли в наступление две финские дивизии. Два полка 54-й дивизии и группа пограничников в течение 10 дней стойко удерживали оборону близ государственной границы на реке Войница, но были вынуждены отойти на новый рубеж в 10 километрах западнее Ухты. «Был дождливый день, – вспоминал А.Тимонен. – Под натиском превосходящих сил врага мы отступили от Войницы к оборонительным рубежам Кис-Кис. На маленьком привале мы настроили военную рацию на московскую волну. Слышали уверенные слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами».

А.Тимонену пришлось дважды переживать войну – психологически, эмоционально. Если переживания «зимней войны» окрашивались определенным юношеским легкомыслием (выразившемся при исполнении обязанностей «переговорщика» в марте 1940 года), то горький опыт первых дней Отечественной войны выразался им в своих воспоминаниях в беспощадной, жесткой форме:

«Я принял первый бой Великой Отечественной войны в горящем лесу, среди порохового дыма и дыма от лесного пожара. Когда рассказываешь о минувших боях, многие говорят не то, что было. Человеческая слабость – приукрашивать действительность, тем более когда речь идет о прошедшей юности. Нас спрашивают, например, испытывали ли

² Правление ССП СССР. Стенографический отчет Первого съезда ССП КФССР от 22-25 декабря 1940 г. // ЦГАЛИ. Ф.631. Оп.6. Ед.хр.518. Л.1-3.

мы чувство страха в бою, и мы с легкостью отвечаем, что ничего подобного не чувствовали. Конечно же, это не так. В определенной обстановке любой нормальный человек имеет чувство страха. Откровенно говоря, мы не знали бы, что такое смелость, если бы не было такого чувства, как страх. Другое дело, кто и как в состоянии преодолеть чувство страха. От этой способности и зависит смелость. По-разному происходит это преодоление. У одних – чувство долга: так надо! Во имя чести, во имя общего дела, родины – надо идти на риск, надо идти даже на верную смерть. Держись, иди! Чувство страха преодолевается и хорошим самолюбием: не дай бог, чтобы другие заметили, что я боюсь. И не заметят, если я держу себя в руках. И часто соединяется чувство долга и хорошее, здоровое самолюбие.

Страшно кажется только тогда, когда еще нет опасности, когда идешь на задание или ждешь боя, который вот-вот вспыхнет. Солдаты ко всему привыкают, только к ожиданию боя трудно привыкнуть. А потом, когда начинается бой, забываешь обо всем, действуйешь как надо.

В жизни, особенно в бою, бывают моменты, когда ничего не успеешь ни думать, ни рассчитать, а нужно в течение считанных секунд или доли секунды действовать. В течение секунды человек может совершить героический поступок или стать презренным трусом. И все это зависит от него самого.

Вот один пример. Это было в конце 1941 года на ухтинском направлении Карельского фронта. Усиленный взвод разведчиков совершил внезапный налет на небольшой вражеский гарнизон в их глубоком тылу. Надо было действовать быстро и решительно, а потом сразу уйти, пока противник соберется с силами. Нам хорошо было видно, как из одной землянки вражеские солдаты бежали в панике. Казалось, там никого не осталось. Молодой разведчик – по фамилии, кажется, Якунин, ринулся в землянку, чтобы проверить, остался ли там кто. Там сразу раздался сильный взрыв. Когда другие разведчики побежали в землянку, они нашли Якунина погибшим и почти рядом с ним – два трупа вражеских солдат с автоматами. Все трое погибли от гранаты молодого разведчика. Можно было догадаться, что там произошло. Два вражеских автоматчика решили обороняться до подхода помощи. Им пришлось бы ждать недолго, может быть, полчаса. Но они успели бы уложить немало наших солдат. Наш разведчик успел бы, возможно, отскочить обратно и скрыться за бруствером. Или мог бы спасти себе жизнь, подняв руки. Он сделал одно-единственное движение – дернул кольцо из гранаты, прекрасно зная, что погибнет сам с врагами. Успел ли он взвесить все варианты, все за и против? Нет,

не успел. Он в течение мгновенья совершил под-сознательный героический подвиг. А таких примеров много как в жизни, так и в литературе.

Было много случаев, когда мы ошиблись в чело-веке – представили его другим, чем он показал себя. Один долго говорил о патриотизме, о долге перед Родиной, о преданности, о дисциплине, а потом дрожал как в лихорадке от одной только мысли, что он может попасть на фронт. Другой – тихоня, никогда не говорил громких слов, жил и трудился молча, скромно. И молча и скромно шел на верную смерть за родину и стал посмертно героем».

Приведенный выше эпизод нападения группы разведчиков на вражескую землянку рассказан глазами очевидца, и это соответствует правде. «Я вас признаю за разведчика 54-й стрелковой дивизии, что в войну стояла на ухтинском направлении, – писал А.Тимонену 13 ноября 1972 г. его однополчанин Я.И.Шишкин. – Вы были, если не ошибаюсь, переводчиком и иногда с нами ходили на вылазку в тыл врага в районе Ругозера. Я был политруком конной разведки, а позже политруком пешей разведки полка. Стояли тогда западнее Ухты в районе озера Куйтто».

К середине декабря 1941 г. линия Карельского фронта стабилизировалась на рубеже: южный участок Беломорско-Балтийского канала – станция Масельгская – Ругозеро – Ухта – Кестеньга – Алакуртти. До лета 1944 года бои велись только на отдельных направлениях. «Меня приняли кандидатом в члены партии в октябре 1941 г., – вспоминал А.Тимонен. – Понемногу прибавлялись другие обязанности, кроме разведчика и переводчика. В годы молодости я успел поработать редактором и диктором на финском языке. Теперь, когда на передовые позиции приезжал представитель Политуправления по работе среди войск противника, меня стали привлекать в качестве диктора для передачи через рупор на сторону противника информации о последних событиях на фронтах. Такая передача состоялась в канун нового 1942 года. В ответ противник открыл пулеметный огонь. К этому мы уже привыкли и на время перешли в укрытие, а потом продолжили передачи».

Об этой стороне фронтовой работы А.Тимонена живо вспомнила его однополчанка Т.Н.Геттоева в письме от 18 апреля 1975 г.:

«Прочитала книгу «Белыми скалами линия фронта легла», где на последних страницах увидела Ваш снимок с рупором – передача из траншеи. Я долго смотрела на этот снимок и мысленно витала на фронте – на ухтинском направлении в 54-й стрелковой дивизии, куда из политотдела армии прибыла машина (широковещательная станция с агитмина-

ми). Если Вы еще не забыли эти мины, изобретенные на нашем фронте, – обыкновенная консервная банка с листовками. С помощью минометов они распространялись по переднему краю противника.

Я работала переводчиком в 54-й стрелковой дивизии на ухтинском направлении. Это было перед финской пасхой. Мы с Вами распространяли пасхальные листовки. Еще с вами был пленный – он «приветствовал» – выступал».

Каждая такая передача в непосредственной близости от окопов противника была связана с риском для жизни, как можно понять из содержания опубликованной газетой «Боевой путь» в феврале 1942 года заметки «младшего сержанта» А.Тимонена «Голос правды»:

«Морозная февральская ночь. Извилистая глубокая траншея соединяет блиндажи и окопы. Наблюдатели, часовые, одетые в белые маскхалаты, смотрят вперед, через болото, на маленькую отлогую высоту. Там тоже траншея и невидимые наблюдатели смотрят перед собой. Там – враг.

Луна ярко освещает заснеженные сосны и ели, серебристым светом блестит снег на замерзшем болоте. Только изредка далеко доносится скрип шагов да от мороза трещат деревья».

Слева застучал автомат, раздалось несколько винтовочных выстрелов, и снова тихо. И внезапно в тишине морозной февральской ночи на сотни метров раздается громкий голос:

– Внимание! Внимание! Солдаты финской армии! Слушайте нашу радиопередачу.

От сильного звука посыпался снег с деревьев. Диктор говорит финским солдатам правду о Советском Союзе, о Красной армии, которая гонит немецкие войска. В короткий перерыв со стороны оборонны белофиннов кто-то по-фински закричал:

– Говорите, говорите еще!

В морозной ночи из репродукторов разнеслись звуки музыки. Когда патефонная пластинка закончилась, снова раздалось несколько голосов:

– Говорите еще и играйте!

– Финские солдаты! – прозвучало в ответ. – Сейчас перед микрофоном выступит бывший солдат финской армии Рейно Мойланен, добровольно перешедший на сторону Красной армии.

Мойланен говорил быстро, взволнованно, радуясь тому, что он, наконец, может высказать все, что накопело в душе солдата.

Откуда-то слева раздалась автоматная очередь. Это не понравилось финским солдатам, которые вышли из землянок послушать голос правды. Они закричали:

– Какой там чёрт стреляет!

– Дайте же человеку говорить!

Передача закончилась. Техники сматывали кабель, убрали репродукторы. А на противоположной высоте слышались брань и сердитые окрики – офицеры-шюцкоровцы загоняли солдат в землянки».

В апреле 1942 года А.Тимонена отозвали в распоряжение Политуправления Карельского фронта и направили для продолжения службы в седьмое отделение по работе среди войск противника политотдела 32-й армии Карельского фронта. Сохранился военный дневник того времени. Бумажные листы – «четвертушки» – скреплены проволокой, записи сделаны карандашом. Приводим ниже выдержки из дневника за август 1942 года:

«5 августа 1942 г. 37 с.д. 244 с.п. Договорился о месте, где будет работать звукостанция, и о её переброске. Проверил знание финского языка переводчиками штаба полка. Технический интендант второго ранга М. совершенно не знает финского языка. Не может даже разговаривать по-фински. Во взводе пеших разведчиков полка красноармеец Карху и красноармеец Хяккенен знают финский язык.

Интендант третьего ранга И., начальник артиллерийского снабжения 247-го стрелкового полка, изобрел агитационный снаряд. Стреляет из миномета. Договорились заполнить имеющиеся в распоряжении полка 23 финских мины листовками (с дополнительным зарядом) и выстрелить с деревянными трубками. Вместимость 200 листовок.

С финского берега прибыл пакет с финскими листовками. В них письмо: «Спасибо за чтение. Мы получили ваши листовки».

Провел беседу о моральном состоянии финских войск в роте автоматчиков. Присутствовало 30 человек.

6 августа 1942 г. Артистка Клавдия Емельяненко может исполнять песни на финском языке.

7 августа 1942 г. КП 1020 с.п. Вечером 25-ваттная станция вышла из строя. На одной станции – шесть передач. Предложили противнику: «Кто хочет слушать продолжение нашей передачи, сделайте по выстрелу в воздух». Ответили массивным огнем. Выпустили 14 мин, четыре снаряда.

8 августа 1942 г. Ремонт аппаратуры. Вышли из строя аккумуляторы. Работали на одной станции. Две передачи.

9 августа 1942 г. Провел беседу в батарее. Присутствовало 40 человек. Вечером организовали передачу в двух местах. Ранта наблюдал за противником. На вопрос: «Кто хочет слушать продолжение передачи?» ответили ураганным огнем. Выкрики финнов разобрать было невозможно.

17 передач. Слышимость хорошая.

11 августа 1942 г. Договорился о транспорте, о зарядке аккумуляторов. Будем работать в районе 1044 с.п.

Вечером организовали 26 передач тремя станциями в двух местах. На вопрос «Кто хочет слушать хорошую русскую музыку?» противник ответил сильным огнем. Сказали: «Задавайте вопросы. Мы будем отвечать». Однако вопросов не последовало, хотя желающих задать их со стороны противника, вероятно, было много.

12 августа 1942 г. Зарядка аккумуляторов. Организовали передачу в трех местах. Всего 26 передач. Работал в районе третьей роты. Противник требует музыку. Выкрики: «Мы знаем без вас о «лесной гвардии». Ответил лично: «Раз вы знаете о «лесной гвардии», то идите туда. Ваши товарищи там живут хорошо, и они спасают свою жизнь». Вопросы противника: «Когда кончится война, скажите конкретно?», «На какой период хватит резервов Красной армии?», «Лесные гвардии» мы знаем. Если потребуется, пойдем без агитации». «Навещайте почаще и побольше музыки». «Сыграйте вальс «Онего». «Поставьте пластинку». «Рано закрылись» (после того, как миной оборвало провод).

13 августа 1942 г. Работали в 1048 с.п.³. Выкрики со стороны противника: «Начинайте побыстрее с продолжением». «Говорите погромче». «Вас нам не надо. Идите в п...у». На вопрос «Кто хочет слушать продолжение нашей передачи?» голосовали огнем.

14 августа 1942 г. Перед расположением третьей стрелковой роты действовала полковая разведка с задачей захвата «языка», поэтому мы могли начать свою работу лишь после окончания разведывательных действий. Добились автомашины из 289-й стрелковой дивизии и уехали в 10 часов утра.

18 августа 1942 г. Рано утром прибыли в 313 с.д.

19 августа 1942 г. Утром отправился в 1070 с.п. Здесь будут работать станции. Вечером 10 передач в районе пятой стрелковой роты и 10 передач в районе третьей с.р. Слышимость замечательная. Противник соблюдает абсолютную тишину, но на вопрос: «Кто хочет слушать продолжение нашей передачи?» реагировал слабо, лишь несколькими выстрелами. Поздно ночью вернулись на КП 1070 с.п. Отправили аккумуляторы на зарядку и легли спать в четыре часа утра.

20 августа 1942 г. Рано утром, во время завтрака, красноармеец, который увез аккумуляторы, доложил мне, что аккумуляторы не приняли, так как они в таком состоянии, что зарядку производить нельзя. Прямо не знаю, что делать. Послал обоих техников на зарядную базу. Они привели свои аккумуляторы в порядок. Говорил по телефону с Ранта. Дого-

ворились, что работать будем не раньше чем завтра. А потом уедем.

21 августа 1942 г. Вечером передачи в районе третьей с.р. Всего 15 передач. Выкрики: «Скоро ли кончится война?»; «Врете!» На вопрос «Кто хочет слушать продолжение передачи?» открыли сильный огонь».

Как знающего финский язык, А.Тимонена привлекают к допросам военнопленных, к переводу попавших в руки разведчиков документов и солдатской переписки. В корреспонденции «Письма из белофинского тыла» («На боевом посту», 1941, 12 сентября) А.Тимонен приводит текст писем финским солдатам от родных и близких, мечтающих об одном – «чтобы война закончилась скорее». В той же газете, 17 марта 1942 г., А.Тимонен рассказывает о допросе попавшего в плен автоматчика лыжного диверсионного взвода. На страницах газеты «В бой за Родину» 17 июня 1942 г. А.Тимонен дает обзор высказываний попавших в плен финских солдат и делает вывод: «У финского народа уже нет веры в победу. Он видит только смерть на фронте и в тылу. Финская армия, несомненно, будет сопротивляться. Она не рухнет сама по себе. Она рухнет под нашими мощными ударами».

Об агитационной направленности фронтовых корреспонденций А.Тимонена говорят заголовки его публикаций в ежедневной красноармейской газете 32-й армии «Боевой путь»: «Белофинны истязают пленных, мучают жителей Петрозаводска», «Что будет впереди, страшно подумать: письма финскому солдату», «Бандиты нервничают: из показаний военнопленных». Одновременно А.Тимонен активно сотрудничал с газетой «Totuus» (статья «Kosto» («Месть») 18 августа 1943 г.). Он часто публиковался в ежедневной красноармейской газете Карельского фронта «В бой за Родину» («Мечты финских егерей» (обзор признаний военнопленных) – 11 марта 1944 г.) и т.д.

В личном фонде писателя в НА РК хранится подшивка фронтовых газет, где имеются 36 статей, репортажей, очерков А.Тимонена. Подписи под ними говорят о возраставшем боевом авторитете журналиста: младший сержант, младший политрук, политрук (сентябрь 1942 г.), старший лейтенант (февраль 1943 г.), капитан (апрель 1944 г.). Судя по записям в военном билете, в должности переводчика и политрука А.Тимонен работал с апреля 1942-го по февраль 1943 г., да-

³ Комиссаром 1048-го полка был Дюжев Иван Ильич, отец автора этой статьи. См.: Иван Дюжев. Письма с Карельского фронта. 1941–1942. Петрозаводск. 2005.

лее – в должности инструктора-литератора Политотдела армии по январь 1945 г.

Как бы ни была опасна и трудна порученная А.Тимонену работа, она приносила ему моральное удовлетворение, поскольку приближала час победы и нередко спасала жизнь насильно мобилизованным в армию финским крестьянам и лесорубам. Позднее, 18 сентября 1979 г., именно об этом вспоминал А.Тимонен:

«Один только пример – Тейво Алава, один из активистов общества «Финляндия – СССР». Я встретился с ним на Карельском фронте в 1943 году, когда его привели после боя с перебитыми руками. Я тогда долго беседовал с ним и от его имени и с его согласия выпустил листовку и передал её содержание по рупору на сторону противника. Снова мы встретились с ним после войны в Финляндии. Узнав меня, он говорил активистам общества «Финляндия – СССР» в Хельсинки, а потом в Ювяскюля в 1965 году в таком духе: «Вот Антти Тимонен, он из тех, которые просвещали нас через линию фронта, что мы воюем за Гитлера». Мы своей пропагандой спасли многих солдат бывшего противника от влияния фашистской чумы. Сдаваясь в плен, они спасли свою жизнь, встали в ряды бойцов за мир и дружбу между народами».

Если в 1941 г. финские солдаты враждебно реагировали на предложение послушать подготовленную А.Тимоненом передачу, то в апреле 1944 года их отношение изменилось. Об этом свидетельствует докладная записка А.Тимонена от 18 апреля 1944 г. начальнику 7-го отделения Политического отдела 32-й армии подполковнику Юнилайнену:

«Выполняя Ваше распоряжение, я с военнопленным Кригсхольмом выбыл вечером 16 апреля для организации там выступления военнопленного. Вечером 17 апреля в 22.00 мы начали передачу через ЗВС (*звуковая станция*. – Ю.Д.) при хорошей слышимости. Я читал составленную вечером передачу о последних событиях, а затем выступил военнопленный. Я задавал вопросы, и он отвечал по утверждённому тексту. Во время передачи противник соблюдал тишину, но как только мы прекратили передачу, финны открыли винтовочный и автоматный огонь. Я посчитал этот огонь просьбой повторить передачу, что мы и сделали. После вторичной передачи огонь повторился, хотя не с такой силой, как в первый раз. Я решил сделать маленький перерыв.

Сегодня утром в 3.00 мы начали снова передачу (программу о последних известиях и выступление военнопленного). Передачу повторили в 3.30. Тогда часовой доложил, что финны что-то кричат. Так как у нас не было наблюдателей, мы с военнопленным вышли из землянки, где производили передачу, и,

захватив с собой рупор, направились в траншею, которая ближе к противнику. Начали снова рупорную передачу. Когда военнопленный закончил своё выступление, он закричал по моему предложению: «Ребята! Слышите ли и узнаете ли меня? Исполните ли вы мою просьбу передать привет семье и сказать, что я в плену у Красной армии, что живу хорошо, обеспечен всем и пусть родные не беспокоятся обо мне?» Финны ответили сразу:

– Знаем, знаем! Узнаем, узнаем!

В это время справа на более далеком расстоянии финны закричали:

– Повтори, кто ты такой?

Военнопленный направил рупор туда и сказал, откуда он, из какой части и какая фамилия.

Затем я взял рупор и начал сообщение о последних событиях словами: «Финские солдаты! Знаете ли вы, что в Крыму советские войска овладели городом Ялта?» На это финны ответили:

– Знаем мы это! А разве Севастополь тоже взят?

Я повторил сообщение о событиях в Крыму и, закончив его, сказал:

– А теперь еще раз слушайте приветы бывшего вашего брата по оружию солдата Кригсхольма.

Финны ответили:

– Давайте!

Когда военнопленный повторил свое выступление, финны закричали:

– Слушай-ка! Кто у тебя там второй финн? Тоже перебежчик?

Ничего не ответив, я решил закончить передачу на этом. За всё время передачи финны не сделали ни одного выстрела».

Среди документов А.Тимонена о службе в армии есть многочисленные командировочные удостоверения с задачей отправиться в разведывательный отдел штаба армии или на станцию Романцы в госпиталь для опроса пленного; поехать в Сегежу, чтобы проследить издание листовок; убыть на фронт для проведения очередной радиопередачи. Лишь изредка удавалось ему встретиться с друзьями детства, немного отдохнуть. В дневнике Яакко Ругоева есть запись от 30 января 1944 г.: «Вчера приехал с командировки в Беломорск. Вечером приехал Антти Тимонен. У него история с поездкой в дом отдыха провалилась. Он огорчен. Были с ним на танцах – больше сидели, чем танцевали. Он ночевал в редакции. Ему понравился мой рассказ «В доме отдыха», сюжет которого я получил от него. Антти уехал сегодня утром».

Огромная загруженность не позволяла А.Тимонену в первые два года войны заниматься творческой работой. В записной книжке, относящейся к 1942 году, есть шесть стихотворений А.Тимонен-

на на финском языке, но два из них датированы 1937 годом, одно – 1939, два – 1940 и лишь одно – 1942 годом. Настроению автора, судя по всему, наиболее отвечало стихотворение на русском языке «Море жизни» из девяти четверостиший, в финале которого звучали мотивы горьковской «Песни о буревестнике»:

*Будем жить, страдать, смеяться,
Будем мыслить, петь, любить.
Буря вторит, ветры злятся.
Славно, братья, в бурю жить.*

Образ «буревестника» теперь, на войне, сопрягался в писательском воображении А.Тимонена с образом Воина и Гражданина, мужественного, сурового человека, совершающего героические воинские подвиги во имя Родины. Таких людей он встречал в незабываемом для него 1941 году, когда воевал на ухтинском направлении. «Служил там разведчиком и переводчиком, – вспоминал А.Тимонен. – Командиром разведзвезда был лейтенант Васильев, Герой Советского Союза еще с войны 1939 – 1940 годов. Он был небольшого роста, стройный и юркий, а в бою безупречно храбрый, если применить сравнение Максима Горького. Веселый балагур. Он погиб недалеко от Ухты, нынешней Калевалы. Васильев не был карелом, а был уроженцем Архангельской области».

Такой не сломленный отступлением 1941 года «буревестник», не боящийся урагана военных схваток, умеющий достойно выйти из любой ситуации, проявить нравственное превосходство над врагом, как нельзя лучше отвечал представлениям А.Тимонена о положительном герое. Не случайно герою своей первой повести о войне «Песнь автоматов» он дал распространенную в России фамилию Иванов.

Определенным стимулом начала работы над повестью послужило состоявшееся с 28 по 30 июня 1943 г. в городе Беломорске республиканское совещание писателей и сказителей. С докладом «Карело-финская литература в дни Отечественной войны» выступил С.Колосенок. Присутствовавший на совещании Г.Фиш поставил вопрос о создании серии книжек «Герои карело-финского народа». На совещании было избрано правление СП КФСР, в состав которого вошли А.Эйкия, Х.Тихля, В.Базанов, М.Пантюхин и А. Линевский. Состоялись творческие встречи с писателями, в том числе с В.Эрвасти и Я.Ругоевым. Перед молодыми авторами, пишущими на финском языке, открылась возможность вступить в Союз писателей, а для этого нужно было опубликовать книгу.

Воодушевленный появившимися после совещания возможностями для творческого роста, А.Тимонен меньше чем за два месяца написал повесть «Песнь автоматов». Судя по хранящемуся в личном фонде писателя оригиналу, свою повесть А.Тимонен печатал на пишущей машинке на обеих сторонах бумажного листа розового цвета. На обложке заглавие: Antti Timonen. Konepistoolin laulu. Внизу дата окончания работы: 25 августа 1943 г. Объем рукописи – 53 страницы. Всего в повести шесть глав, не имеющих отдельных заголовков.

В основу повести легли как личные воспоминания автора о начале войны, так и записи из его журналистского блокнота. Так, в статье «Наша ненависть непримирима» А.Тимонен рассказал о разведчиках старшего лейтенанта Тузова, которые ворвались во вражескую траншею, собрали на поле боя пять ручных пулеметов, 12 автоматов, уничтожили тридцать вражеских солдат и без потерь вернулись в расположение части. Этот эпизод в несколько видоизмененном виде вошел в повесть, которой свойственна жесткая динамичность, интерес не столько к психологии событий и героев, сколько к описанию череды боевых схваток под «песнь автоматов».

Литературовед А.Г. Хурмеваара, называя «Песнь автоматов» «рассказом», говорила о романтике выраженного в заглавии звукового образа военных сражений. Вместе с тем она отмечала, что в рассказе «намечены лишь первые контуры» характера главного героя.

Что же касается восприятия книги участниками военных событий, то они обращали внимание прежде всего на документальность повествования, на стремление автора раскрыть духовное богатство воюющего народа. Когда 1-2 февраля 1945 года в Петрозаводске на конференцию собрались писатели республики, в докладе Т.Гуттари (Л.Хело) в том числе был отмечен вклад А.Тимонена в создание художественной литературы о войне на финском языке:

«Есть у нас молодой автор Антти Тимонен. Он настолько загружен на фронте, что у него нет возможности писать, и все же ему удавалось время от времени присылать интересные очерки, а в 1943 году он написал интересный рассказ «Песнь автоматов». Сильно и просто дано описание лесного боя, талантливо написаны картины северной зимней природы. Рассказ А.Тимонена относится к числу лучшего, что у нас написано на финском языке за годы войны».

Написанная в сжатые сроки, на одном дыхании, повесть «Песнь автоматов» открыто и политически страстно выражала писательское отношение к со-

бытиям войны, к героям и их поведению. Такая черта стиля была обусловлена военным временем, требовавшим от писателя ясного и прямого выражения своей позиции. Однако ярко выраженное публицистическое начало повествования ослабляло силу образного обобщения, возможность создания ярких индивидуальных характеров. Повесть никогда более не переиздавалась, но позднее её отдельные сюжетные мотивы были использованы в повести «От Карелии до Карпат» (1948).

Такого рода недостатки, как упрощение сложного психологического мира человека на войне, фрагментарность изложения, увлечение фактографией, продолжали оставаться в прозе А.Тимонена и после окончания работы над повестью «Песнь автоматов». В те годы военная цензура допускала к печати только такие материалы, которые сообщали о событиях на фронте с помощью готовых моделей и стереотипов, с открытым выражением гражданского пафоса. В результате, когда А.Тимонен начал готовить к изданию в Москве сборник рассказов и очерков на русском языке «Под грозой и солнцем» (М., 1971), многие рассказы и очерки военных лет были исключены редакторами издательства из первоначального варианта рукописи как слабые в художественном отношении. В том числе это были рассказы: «Предчувствие жены сбылось» (1941 г.) с цитированием писем жены погибшего финского солдата; «Он понял русский язык» (1942 г.), «На тихом участке Карельского фронта» (1943 г.) и «Дома и на фронте» (1944) – о судьбе пленных финских егерей; «В землянке противника» (1944) – о моральном падении финских солдат, заклеивших стены землянки картинками с голыми женщинами; «На выполнение партийного поручения» (1944 г.) – о храбром политработнике Василии Кузьмине, первым поднявшимся в атаку (1944 г.), и другие.

Невозможность в полной мере выразить свои ощущения от пережитого, сказать правду о войне не могла не угнетать А.Тимонена. Накопилась огромная усталость от повседневных обязанностей, требовавших заполнения огромного числа служебных отчетов и докладных записок. Молодой офицер просился на фронт, но получал отказ, поскольку в Политуправлении зарекомендовал себя как незаменимый переводчик и специалист по контрпропаганде. Желание А.Тимонена услышать лично «песнь автоматов», а не быть погруженным в груды бумаг, в завуалированной форме нашло отражение в рассказе «В засаде», написанном в 1944 году. Герой рассказа Матвеев, как и сам автор, на войне вынужден заниматься «бумагомаранием»: он батальонный писарь и не жалуется свою профессию. Читатель застаёт его в землянке в тот момент, когда Матвеев

только что заполнил отчет батальона – по такой же форме, с такими же цифрами, как вчера и позавчера, как и за всю прошедшую неделю:

«Он проверил еще какой-то список с такими же фамилиями, какие он десятки раз переписывал. Матвеев швырнул книги и папки в ящик и лег на нары. Осталось ожидать ужина, потом ночи. Спать приходилось укладываться рано. А какое же его спанье! Тусклая коптилка светит у дверей яркой точкой, а на нарах полутень. Становилось смрадно и душно. Хотя бы раз, один только раз за эти проклятые недели утомиться так, чтобы упасть на нары без чувств, уснуть крепко и сладко, как убитый, без сновидений.

Утром небо было пасмурным, как и вчера, и повар налил в котелок такой же макаронный суп, какой он варил уже несколько дней.

Вечером, точно как часы, пришли старшины со строевыми записками, цифры которых Матвеев знал уже наизусть. Так же, как и в другие дни, старшина пулеметной роты оставался сидеть ровно на столько времени, чтобы закурить папироску. Матвеев завел с ним разговор о той же книге, о которой говорили и вчера.

«Мы были готовы нестись со временем дальше, – зачитывал он отрывки из книги, – к смерти... Ураган часов не утихал. И мы умирали наспех, на бегу, без последнего вздоха, как только и можно было умирать в эти изумительные годы... Еще один раз родиться, еще один раз, боже мой! Чтобы увидеть, как люди плачут при одном упоминании об этих годах, чтобы где-нибудь поклониться истлевшему куску знамени!»

– Да мы же живем в эти изумительные годы! – почти кричал Матвеев. – А что мы с тобой скажем через несколько лет? Тогда мы, мол, писали строевые записки и давили клопов...

Папироска старшины догорела, он прервал Матвеева:

– Ну и чудак ты человек.

И ушел».

Далее сюжет рассказа разворачивается таким образом, что Матвееву удается получить от комбата разрешение сходить в разведку. Вместе с пулеметчиком Матвеев сидит в засаде. Тот спрашивает Матвеева: «А ты в бою был?» – «Да где ж мне». На что пулеметчик советует «перешагнуть через страх»:

«– Тут привыкать надо, а потом всё пойдет само собой. Ты смотри у меня! Первый бой – это самое трудное. Прямо скажу – страх берет, и еще как берет, прямо за горло захватывает, дышать не дает. А ты перешагни через страх. Это каждый может. Только назад не оглядывайся, а то погибнешь. Помню, подростком я вскарабкался на

вышку – высоко-высоко. Смотришь вниз, голова кружится, вниз тащит. А когда смотришь только вперед, вверх – хоть бы что! Так и в бою. Ты только диски подавай и не замедляй».

Эти слова практически повторяют сделанную 29 октября 1944 года запись в дневнике А.Тимонена:

«– Ты смотри у меня! Назад нечего оглядываться – там гибель. Смотри только вперед и забудь свой страх. Перешагни через него. Переживал ли ты когда большое горе? Его не перешагнешь, его надо пережить. Ты не бойся страха, а не то погибнешь! Будешь бояться, тебя все время будет относить в сторону. Нечего тогда царапаться у двери. Ты никому не нужен».

Но как бы ни рвался А.Тимонен (по примеру героя своего рассказа) на передовую, начальство было непреклонным: он нужен здесь, в Политуправлении армии. И только когда в июне 1944 года был освобожден Петрозаводск, а за ним и вся Карелия, к заявлениям А.Тимонена об отправке его на передовую вышестоящее начальство стало относиться более внимательно.

А.Тимонен стал писать очередной рапорт и одновременно позаботился о том, чтобы его жена Клавдия с дочерью Нелли и сыном Вадимом смогли выехать из эвакуации в освобожденные от врага родные места. Жене и детям пришлось многое испытать за годы войны, и об этом –

ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ А.ТИМОНЕНА НЕЛЛИ ИВАНОВОЙ (ТИМОНЕН)

«В эвакуацию мы отправились вчетвером: бабушка Ольга Марковна, мама, я и Вадик. Тетя Ида осталась в Карелии. Отец воевал. Ехать нам пришлось много суток. Мне было три с половиной года, Вадик еще меньше. Единственный из нас, кто говорил по-русски, была мама. На одной из станций она побежала за кипятком. Поезд тронулся, и она осталась на станции. Мы испугались. Ведь мы могли говорить только на карельском языке. Помню, что мы втроем стали кричать и плакать. Нашлись на станции добрые люди, посадили маму на машину, и на следующей станции она догнала нас. В эвакуации мы жили в Барабинске Новосибирской области. Мама работала счетоводом фермы, а бабушка – в пекарне. Каждое утро она приходила с караваем черного хлеба, еще горячим. Когда мама узнала, что Карелию освободили, она сразу засобиравшись на родину. Её отговаривали: «Зачем ты едешь с бабушкой такой старенькой, с малыми детьми, там же всё разбито, разрушено». Но она стояла на своём. В июле 1944 года мы приехали в Кестеньгу к тете Иде, которую

перевели сюда работать в июне 1944 года. Кестеньга была разрушена, люди жили в землянках. Нам тоже пришлось поселиться в землянке. Обстановка была ужасная, я четыре раза болела воспалением легких. Мама больше половины своего пайка скормливала нам, а сама довольствовалась гнилой картошкой. Местность еще не успели разминировать. Детям запрещали далеко уходить, но разве мальчишек удержишь? Было немало случаев, когда дети подрывались на минах. И вот, помню, мы проснулись в землянке 9 мая 1945 года от какого-то шума и гама. Страшно было, потому что там плакали и смеялись. Потом слышим – там кричат: «Победа! Победа!» Это утро запечатлелось в памяти. Осенью 1945 года я пошла в Кестеньгу (школа была за три километра от землянки) записываться в первый класс. Оказалось, что всех первоклашек делят на тех, кто будет учиться в классе с преподаванием предметов на финском языке, и тех, кто будет учиться на русском языке. Учительница спросила меня: «Как говоришь – по-фински или по-русски?» Я ответила: «По-русски». «А карельский язык знаешь?» – «Не-не-не». И меня зачислили в русский класс. Выскочила на крыльцо радостная, кричу: «А я наврала! А я наврала!» А сейчас думаю: надо было мне учиться в финском классе. Мы с мамой, пока она была жива, разговаривали по-карельски. Наш язык северных карелов очень близок к финскому языку».

В очередной раз сестра А.Тимонена Ида Михайловна взяла на себя все заботы о матери и Клавдии с двумя детьми. Здесь хочется воздать должное этой замечательной женщине и хотя бы кратко рассказать о её жизни. Ида Михайловна родилась 10 мая 1912 года в деревне Луусалми. После гибели отца она воспитывалась в семье бабушки, а мать ходила на заработки. Ида училась в фельдшерско-акушерском училище в 1932-35 годах. Работала акушеркой и фельдшером в отдаленных деревнях Калевальского района – Бабья Губа, Луусалми и т.д. Во время войны выполняла специальные поручения и работала фельдшером в прифронтовой полосе. В послевоенные годы возглавляла райздравотделы Кестеньгского и Лоухского районов, работала акушеркой и фельдшером в деревнях Кестеньгского и Лоухского районов – в Аштахме, Оланге, потом в районных центрах Кестеньга и Лоухи. Она приняла за свою жизнь около трех с половиной тысяч родов. Отличалась всегда готовностью идти на помощь в любых условиях – пешком по бездорожью за 60-70 километров. Пользовалась огромной любовью населения. Такова была сестра А.Тимонена, женщина редкостной доброты и трудолюбия, на попечение которой фронтовик оставил свою семью.

Сам же капитан А.Тимонен в конце 1944 г., после окончания боев на Карельском фронте, оказался в городе Кирове (ныне Вятка), куда его дивизию перевели на отдых и переформирование. «Встретил Новый год с друзьями, потом в своей жаркой комнате, – вспоминал А.Тимонен. – «Война ведь кончится скоро?» – спрашивали меня. Ой, как хотелось бы хорошей-хорошей жизни. Стоит мне только закрыть глаза, и прежде всего всплывает 1945-й. Он был моим годом. Я ждал от жизни всё нового и нового и чего-то великого. Вот 1945 год показал мне всё это».

Получив направление на Третий Белорусский фронт, А.Тимонен в начале февраля отправился в долгий путь к месту назначения. И в дороге, и по прибытии на место дислокации части А.Тимонен вел дневник, который является уникальным документом военных лет. В семи заполненных в военные годы тетрадях есть место и подвигам, и трагическим эпизодам – всему тому, что фронтовик видел своими глазами и пережил. На войне, как нигде, обнажаются характеры и чувства, жизнь предстает во всей её сложности.

«Война – это величайшее испытание человека, всех его духовных и физических качеств, стойкости и мужества, это испытание всего народа», – писал А.Тимонен.

В справедливости этих слов убеждают записи в военном дневнике А.Тимонена, которые мы приводим без купюр, соблюдая лишь хронологическую последовательность событий:

4 февраля 1945 г.

Вчера в 16.00 приехали в Новосокольники. Вышли с поезда. Разрушенная станция. К каменным развалинам прижимается деревянная пристройка. Дальше от станции был когда-то город. Там теперь видны только одинокие трубы и выступающие из-под снега почерневшие каменные фундаменты.

Выяснилось, что нам выгоднее ехать до Невеля. Сели в товарный поезд, который сразу отправился на запад, в пустом вагоне (единственном во всем поезде, остальные вагоны-цистерны – горючее для фронта). В вагоне темно и холодно. На полу какой-то мокрый навоз. Знакомая картина. При звуке колес я вижу в темноте только горящие сигарки. В темноте кто-то стучит ногами от холода. Все молчат. Я погрузился не то в мечты о будущем, не то в воспоминания о прошедшем.

В четыре утра приехали в Полоцк. Ходил в город. Разрушения и следы войны везде. Ни одного каменного дома не сохранилось. На базаре идет скудная торговля. Продаются спички, тетради, некоторые привезенные из деревни продукты.

Я хотел бы когда-нибудь написать обо всем увиденном. Но к чему это? Кого удивитесь развалинами, пожарищами, кровью и слезами! Наш народ всё видел. Теперь идет речь не об озере Хасан, не об Халхин-Голе. Теперь читателя ничем не удивитесь. Что можно написать о развалинах тем, которые пристроили к своему родному, разрушенному каменному дому палатку и с детьми живут в палатке – под выюгой, на морозе. А теперь наступает весна, снег растает, образуются лужи.

10 февраля 1945 г.

Восточная Пруссия. Город Тумбинек.

На месте бывших построек хаос из камня, мусора, перекрученного, обгоревшего железа. Я буду всегда помнить эту картину. Ходил по некоторым квартирам. Комнаты переполнены разбитой мебелью, посудой, со стороны улицы стены пробиты снарядами и бомбами. На полу засохшие цветы валяются вместе с тряпками в застывшей крови. Привлекательный бархатный медвежонок качается в отверстии, проломленном снарядом.

В одном более-менее уцелевшем доме ходил по комнатам среди перебитой домашней посуды. Вдруг навстречу хлынул сильный и отвратительный запах. Оказалось, в коридоре валялся труп – изуродованный, с перебитой челюстью, широко раскрытыми глазами и зубами. Смотрел на него как-то равнодушно, но долго.

Город остался в руинах и развалинах. А сколько я видел таких городков! Мы ехали более двухсот километров, и городки расположены через каждые 10-20 километров.

Инстербург. Туман. Руины и развалины в тумане. Мы мчимся вперед. На окраинах города в канавах валяются убитые лошади, разбитые телеги, хаос разбросанных кастрюль, пуховых матрацев, кроватей, одежды. Пожары.

11 февраля 1945 г.

Утром около 10 часов выехали из города Бартейнштейна в направлении Кенигсберга, где идут тяжелые бои. Приехали в город Мюльхаузен. Остановились в пустом доме. Здесь мы смотрели кинокартину «В шесть часов вечера после войны». Эту картину я смотрел в городе Кирове с Клавой. Тогда я не обратил внимания, что картина слишком легкая, ничего не дает зрителю. Если бы война в самом деле была такая, легко было бы воевать. Выходя из зала, один офицер громко сказал: «Я так и не понял, комедия это или серьезная картина. Если комедия, то недостаточно комичная, а если серьезная, то недостаточно серьезная». Я в душе разделил его мысли, особенно после увиденного мною.

Офицеры моей команды завели разговор о будущем. Оказывается, здесь большая убыль офицерского состава. За месяц через резерв прошло 350 человек одних политрабработников. Примерно месяц назад здесь был один майор. Теперь он уже лежит в госпитале в Москве. «Ему повезло, – говорят здесь. – Попал в госпиталь». «Наше дело какое? – рассуждает младший лейтенант Актаев, едущий с курсов. – Шесть месяцев учился, а как попадешь на передовую, два раза успеешь крикнуть «ура» – и уже в расход. Сегодня здесь, завтра будем в дивизии, а послезавтра в могиле или в госпитале». В этом разговоре не чувствуется боязни. Меня поражает какое-то равнодушие в этих рассуждениях.

Я смотрю на своё будущее. На своем языке я хочу рассказать всё, всё о войне в Восточной Пруссии и в Германии.

Из моего письма Т.:

«Я сам не знаю, что хочу. Хочется действовать, хочется направить все усилия в эти решающие исторические дни, хочется быть участником этих событий. А умереть не хочется, особенно теперь, когда конец войны близко, когда после четырехлетних страданий приближается радостный день победы. Однако бездеятельности я боюсь больше. Если уж жить, то жить полной жизнью, от края до края. Ты что? Скажешь, что тоже, философ нашелся! А ты помнишь, как я сказал тебе в мае 1944 года, что на фронте, где смерть близка, человек сильнее чувствует любовь к жизни, обладает сильнейшими, лучшими чувствами?»

11 февраля 1945 г.

Направились в город Фридлянд. Руины и развалины. Мимо пересадочного пункта, где мы ждали другую машину, шла бесконечно длинная колонна немецких беженцев, возвращающихся на своё место жительства. Что о них можно рассказать? Во время той войны я видел беженцев на родине... Знакомая картина. Люди усталые, по колено в грязи, измученные, идут бесконечной толпой по грязным и липким дорогам. На домашних колясках нагромождены и дети, и домашний скarb. Дети плачут без слез – они уже выплакали свои слезы, уже устали плакать. Мать тащит по грязи коляску и не обращает внимания на плач своего ребенка. Она наслушалась плачей и жалоб детей. Они идут мимо хаоса, где разбитые телеги, убитые коровы и лошади, разбитые корзины, выволоченные в канаву матрацы и посуда – лежат непроходимой кучей. Они идут мимо и не

обращают на всё это никакого внимания. Они видели всё это, они насмотрелись на всё это, их ничем уже не удивишь. Я долго наблюдал за одной парой. Старик, лет 75, вел за руку большую старушку такого же возраста. Они были одеты хорошо, по старой моде, старик с белой бородой, в очках, видимо, врач или ученый. Старушка еле передвигалась на ногах. Они брели по липкой грязи медленно-медленно. Старик, видимо, решил ни за что не оставлять свою старушку и умереть вместе с ней, если это будет необходимо.

Я смотрел на эту толпу и вспоминал, как шли беженцы у нас на родине в 1941 г. Пусть они, немцы, тоже испытают войну, горечь потери родного крова, пусть они тоже бредут по грязным дорогам в холоде, под дождем и ветром! Пусть они тоже увидят трупы, пожарища, руины и развалины! Это не жестокость, это справедливость! Немцы затеяли войну. Они торжествовали в 1941–1942 годах. Тогда мы страдали. Теперь на нашей улице праздник. Теперь мы торествуем. Пусть теперь немцы страдают.

14 февраля 1945 г.

Ночь в Восточной Пруссии. Дождь. Темно. Ветер. Куда ни смотри – пожар. Воздух наполнен одним непрерывным шумом моторов. По всем дорогам во всех направлениях идут непрерывные колонны машин. Они идут с зажженными фарами. Колонна за колонной, машина за машиной, непрерывно, с вечера до утра, с утра до вечера. Регулировщицы – девушки – строгие и точные, как часы. Их ответы короткие и деловые. Капает дождь, дует отвратительный ветер. Пылают пожары. Воздух наполнен шумом и воем моторов.

Шли пешком шесть километров с вещами. Устал. Решил облегчить свой груз. Расстался с грамматикой русского языка (я таскал её из Карелии), выбросил старую фуражку, пару белья, портянки, чистую бумагу. Видимо, я должен скоро выбросить всё, только этот дневник я буду носить до последнего.

Ушли с хутора. Дорога усеяна разбитыми танками, множеством разбитых велосипедов, тряпками, посудой, трупами лошадей и животных.

Убитую женщину я увидел на дороге. Голая, с вывалившимися кишками. Очень бы не хотелось вспоминать об этой картине. Нет, я должен вспоминать её. Я должен вспоминать войну.

Офицеры моей команды молодые по возрасту, но все бывалые воины. О подвигах, о героизме они говорят с какой-то иронией. Они всю войну провели на передовых позициях, каждый из них по несколько раз ранен. Они смотрят на войну не как на парад-

ный марш, они смотрят на войну как на тяжелый, опасный и отвратительный, но необходимый труд.

16 февраля 1945 г.

Вчера утром в городе Бартенштейне мне нужна была веревка для упаковки вещей. Пошли в один пустой дом. Все комнаты шикарно оборудованы: дубовые шкафы с зеркалами, множество дорогих электроприборов, радиоприемников, телефонных аппаратов, посуда лучшего качества. На полу кучи одежды, сукна, чистого белья наилучшего качества, белых как снег простыней. По ним шло множество людей в грязных сапогах, оставив следы на простынях и платях.

В одной комнате увидел на кровати мертвую старушку с открытым ртом, без зубов. Выскочил из комнаты. Мною овладел не страх, а какое-то чувство сильнейшего отвращения. Стремление увидеть и испытать всё заставило меня вернуться в комнату. Под кроватью лежала собака, живая, но неподвижная. Она истощилась от недоедания, но не покинула труп хозяйки, не стала искать себе пищу. Видимо, она лаяла на наших людей до истощения, выбилась из сил и покорила. На нас она не лаяла, не скалила зубы, а смотрела злобно и равнодушно, ожидая своей смерти.

Мне вспомнился 1941 год. Такая же картина была в нашей стране. Не мы первые пришли в Германию, а немцы – к нам, не мы начали войну, а немцы.

Сегодня утром зашел в Политический отдел. Беседа с подполковником длилась не более 15 минут. Предложил мне должность не замкомбата, а редакционного работника. Возражал, что я не знаю русского языка, что я газетный работник на финском языке. «Посмотрим», – говорит он. Завтра еду в 215 с.д.

Задумался. Должность фронтового корреспондента дает мне больше материала и впечатлений, чем должность замкомбата. Я смотрю на своё будущее. На своем языке я хочу рассказать всё, всё о войне в Восточной Пруссии.

Сию в армейском резерве и ожидаю назначения. Вчера после беседы с подполковником отдыхал – писал в дневник, привел в порядок своё обмундирование и писал письма Т. и Клаве.

17 февраля 1945 г.

Сегодня со своей командой ходил в разведку, ничего не обнаружили. На пути овраг. Там лежат десять трупов, расстрелянных недавно. Я долго смотрел на них и представлял картину расстрела. Один повернулся спиной и упал лицом к земле, вперед вытянув руки. В агонии смерти он закручивал руками липкую землю, и пальцы так и окос-

тенели с грязью. Один положил руки накрест перед глазами, как бы защищаясь или не желая смотреть на страшные дула автоматов и винтовок. Он упал на правый бок, а руки так и остались накрест перед глазами. Вся грудь испачкана кровью. Так лежат в овраге десять трупов. Их еще не успели убрать. Теперь заморозки, и утром трупы твердые и негибкие, как бревна.

У нашей деревни сегодня получилась печальная авария. Два самолета-истребителя столкнулись в воздухе, оба загорелись и камнем упали вниз. На место спешили машины скорой помощи – собирать останки обгоревших трупов, кости и ноги. Оба летчика были молоды, недавно окончили летную школу.

Стемнело. Вечер. Артиллерийский гул не перестает ни на минуту. По дорогам бесперебойно движутся танки, мотоциклы, грузовые машины. В воздухе одна эскадрилья за другой последовательно, как морские волны, летят в направлении Кенигсберга (туда 19 километров), возвращаются обратно и снова – туда. Гул истребителей в воздухе и гул моторов – на земле. В воздухе режут друг друга лучи прожекторов, летят трассирующие пули, описывая по черному небу красную траекторию.

В комнате полумрак. Тусклая коптилка светит слабо. Полумрак и однообразный гул артиллерийской канонады нагоняют тоску о чем-то далеком. Лейтенант запекает протяжную и заунывную песню. Другие подхватывают припев и замолкают. Мы лежим и смотрим в потолок. Картина за картиной о далеком, о прошедшем возникает перед глазами. Хочется ли пережить всё прошедшее заново? Желая ли я вернуть прошлое?

19 февраля 1945 г.

Сию еще в армейском резерве. Невыносимо скучно проходит время, когда сидишь без дела: Кенигсбергская группировка живет последние дни, что слышно хотя бы по артиллерийской канонаде и по активности нашей авиации.

К нам приехал один капитан, парторг какого-то отдельного саперного батальона. Усталый, он лег и спал долго и крепко, как убитый. Ночью страдал бессонницей – ворочался с боку на другой и ругался, хмурый и сердитый. Вчера вечером он открыл мне свою душу:

– В резерв послали. Первый раз за всю войну. Зачем? Негодный стал?

Он долго и подробно рассказывал о своем боевом пути. У него на груди медаль «За оборону Сталинграда». Прошел весь Донбасс, увидел там разрушенные шахты, наполненные трупами. «Сотни тысяч полегло там нашего брата», – говорит он с го-

речью. Он рассказал о переправе через Сиваш. Он первым из своего батальона бросился в воду (был декабрь 1943 г.). Вода ледяная, по горло. Противник открыл сильный артиллерийский огонь. Вода спасла. При разрыве снарядов вода поднималась веером вверх, а в горизонтальном положении осколки теряли свою убойную силу.

Он рассказал о Севастополе, освобожденном нашими войсками. Он один из первых ворвался в город. Они обошли город, осматривали руины и развалины, оборонительные сооружения. В окопах лежали трупы моряков, до последнего оборонявших Севастополь. Матросы сидели и лежали в том же положении, в котором их застала смерть более года назад. «Много полегло нашего брата в Севастополе, – он говорит. – Я прошел пешком от Сталинграда до Ростова, от Ростова до Крыма, всю Украину и Белоруссию. Много нашего брата положили на этом пути».

19 февраля 1945 г.

Сегодня нам стало известно, что командующий Третьим Белорусским фронтом Черняховский погиб. В ответ по всему фронту ведется сильнейший (какой когда-либо я слышал) артиллерийский огонь. Отдельных выстрелов и разрывов невозможно отличить – целый день продолжается непрерывный гул. Теперь поздняя ночь. Юг, запад и север (мы находимся в острие клина, направленного к Балтийскому морю южнее Кенигсберга) пылают – зарево пожаров и бесперебойных артиллерийских разрывов не угасает. Такую картину я наблюдал у Саунаярви 8, 9, и 10 марта 1940 года, но в уменьшенном виде. Сегодняшнюю канонаду нельзя сравнить ни с чем, мной увиденным.

А все-таки красивы картины войны! Вечером в темноте я долго стоял на улице и любовался далеким заревом пожаров и разрывов артиллерийских снарядов. На небе появились немецкие самолеты-разведчики с целью установить расположение наших сильнейших батарей (разберись тут, они по всему фронту нескончаемой цепью). Наши зенитчики принялись за работу. Черное небо распорото бесчисленным количеством лучей прожекторов. Трассирующие пули из четырехствольного зенитного пулемета описывают длинную красную траекторию. Направленные в разные стороны, эти траектории, как струны, делали черное небо красным, сверкающим, как на реке, где быстрая вода течет при лучах солнца. Быстро движущиеся искорки красные бегут бесконечной струей, небо бурлит и кипит. Эти искорки от разрывов зенитных снарядов, воспламеняясь и разрываясь, быстро угасают, вспыхивают снова и

снова угасают. То, что я видел, вряд ли сумел бы описать даже на родном языке.

20 февраля 1945 г.

По-прежнему сижу в артиллерийском резерве и жду назначения.

21 февраля 1945 г.

Как тяжело смотреть на страдания детей! Через деревню идет длинная колонна немецких женщин, детей, стариков и старух. Они идут усталые, еле передвигают ноги. Молодые женщины несут на руках грудных детей. Бредут неизвестно куда, лишь бы подальше от войны. Они бредут без куска хлеба, всё имущество в маленьком узелке. На лице – отпечаток равнодушного огрубления и усталости.

Одна молодая женщина идет с тремя детьми – двое дочерей десяти и двенадцати лет тащат маленькие, но для них тяжелые вещевые мешочки, третий ребенок трех-четырёх лет сидит на руках усталой матери. Муж – офицер немецкой армии, как она рассказывает, попал в плен под Ленинградом. Дочка, которой десять лет, заболела от недоедания и усталости. Она сидит усталая-преусталая, даже вещевого мешка не в состоянии снять, и склонила горячую, пылающую от температуры головку на руки матери. Её единственная мечта – посидеть и отдохнуть. Она облизывает языком высохшие губы, видимо, желая пить, но молчит.

Им дали команду двигаться дальше. Они поднялись с трудом. Большая девочка подняла свою голову с рук матери, натянула лямки вещевого мешка и, шатаясь от усталости, пошла за матерью на асфальтовую дорогу.

Нам было бы жалко их, если бы не 1941 и 1942 годы. Я вспомнил свою Неллочку. Ей скоро восемь лет. Она голодала, вот так же болела от недоедания. Она находилась без дома, без одежды с моей Клавичкой и матерью, моталась по всей стране в поисках пристанища. Я мысленно вижу свою Неллочку на станциях, где много народу, среди толп беженцев, в холодных товарных вагонах – голодную, больную. Она спрашивала маму: «Почему папа не помогает нам?»

Нет, я не могу жалеть немецких женщин и детей!

Солдатские разговоры.

– Для чего производятся презервативы? Чтобы предотвратить появление людей. А пушки для чего? Чтобы убивать людей.

А не выгодно ли увеличить производство презервативов и уменьшить производство пушек?

22 февраля 1945 г.

Сегодня последний вечер в деревне. После обеда получил предписание. Я назначен замкомбатом по политчасти в 215-ю стрелковую дивизию.

Утром отправился вместе с командой офицеров на место назначения. Шел пешком более двадцати километров. Лес усеян трупами немецких солдат. Их я видел там сотни – группами и одиночками в лесу, в канавах шоссе-ной дороги. Весна. Только в некоторых местах белеет снег. В канавах течет грязная и желтовато-мутная вода. Она обмывает валяющиеся в канавах трупы немецких солдат с широко раскрытыми глазами и открытым ртом. Грязная вода бурлит через шею, падает в открытый рот и, образуя там водоворот, бежит дальше.

25 февраля 1945 г.

Сегодня утром полковник Новожилов сказал мне, что Афанасьев, на место которого я был назначен, вернулся из госпиталя, и я оказался лишним, сверхштатным.

28 февраля 1945 г.

Деревня Вильедар.

Захваченные вчера на участке 63-го корпуса немецкие пленные говорят, что у них идет лихорадочная эвакуация мирных жителей в Германию. Их насчитывается еще около тридцати тысяч человек. Из Германии привозят боеприпасы. Сообщение идет морем, под огнем нашей артиллерии. Пленные описывают виденную ими картину: наступают семь-восемь человек русских, а за ними уже идут кухни, повозки, штабы. Они сдались в плен таким наступающим «войскам».

Немцы несут громадные потери от нашего артиллерийского огня. Их дивизии и полки сохранили только свои нумерации. Артиллерии у них много, особенно шестиствольных минометов. Их придано каждому полку по 20 штук.

Вчера вечером одну дивизию 63-го корпуса вывели на отдых. Офицер одного из штабов полка ночевал со мной. Он пришел усталый и до ушей в грязи. Целый вечер сидел и смотрел в одну точку. На вопросы отвечал неохотно, с горечью.

Батальон этого полка овладел вчера одним заводом с кирпичными постройками. «Батальон» состоял из командира батальона и пяти бойцов. Немцы, увидев «цепи» наступающих, разбежались. Всё это кажется невероятным, но это правда, факт. В эти изумительные дни всё возможно.

Наши несут потери не от пехоты противника, а от артиллерии, от 6- и 10-ствольных минометов, «скрипачей», как их называют наши бойцы. Эти

орудия косят на открытом месте целые подразделения, часто с офицерами и бойцами, с генералами и ездowymi, старшинами и писарями.

Полк пришел на отдых и на пополнение. «Полк» состоит из семи стрелков, тридцати минометчиков, двух командиров (без всяких заместителей), командира полка и нескольких штабных офицеров полка.

Он рассказывает об этом равнодушно и таким же точно голосом, как и о том, что сегодня он не поужинал и не знает, где будет располагаться его полк.

1 марта 1945 г.

Бой. Это не бой, а мясорубка в полном смысле этого слова. Артиллерия, орудие за орудием, на каждом метре по всему фронту бьет, не переставая. Где разрывы своих и противника, не разберешь. В двадцати метрах бьет сильная батарея своих, через головы наступающих. Взрывная волна сшибает с ног. Поднимаешься. Разрывы недалеко, справа и слева, столкновение двух взрывных волн. Воздух свистит и сушит – там перемещаются летающие снаряды, осколки и пули. Откуда бьет противник? Где он? Цепи наступающих плывут среди разрывов дальше. Разрывы поднимают столпы грязи, земли, камней, оторванных кусков человеческого тела. А наступающие цепи идут вперед, хотя ряды редуют.

Впереди квадратик леса. Немцы привезли туда 50 автомашин с солдатами. Если в каждой машине было хотя бы 25 солдат, то их было всего 1250 человек. Квадрат леса маленький. Запели наши «катушки» и «андрюши». Теперь нет леса. Там бушующее море сверкающего пламени, разлетающихся деревьев, камней, людей, грязи и дыма. Лес не встречает огнем наши наступающие цепи. Красноармеец – верхом на немецком осле. Осел маленький. Ноги бойца тянутся по земле. Откуда? Смех. Здесь тоже люди смеются!

Я всегда мечтал о сильных ощущениях. Теперь мне кажется невероятным то, что видел. Могу ли когда-либо рассказать об этом правдиво читателям? Ведь это не на экране, не на сцене, а на грязных полях Восточной Пруссии 1 марта 1945 г.

Карелия – я вспомнил о ней. Она вспомнилась мне тихим уголком с прекраснейшей природой, и мне кажется, там никогда не было войны. А ведь я сам воевал там. Да, Карелия! Я вспомнил о близких мне людях.

6 марта 1945 г.

Вчера принял дела. Работаю временно заместителем командира по политчасти 877-го отдельного корпусного Гродненского Краснознаменного са-

перного батальона. Бывший заместитель майор Романов заболел.

8 марта 1945 г.

Майор Романов вернулся. Не хочет лечиться. Боится, видимо, что я изживу его место. Работать и воевать хочу, но не хочу «завоевывать» его место.

Дивизионные разведчики бродили целую ночь в поисках «языка». Безрезультатно. Усталые, злые, они шли домой. На пути они встретились с корпусными разведчиками, у которых было десять пленных.

– Дайте нам двоих!– просили дивизионные.

– А водка есть?– спросили корпусные.

– Есть.

– Пол-литра за штуку. Возьмите двоих.

Сделка состоялась. Дивизионные разведчики вернулись домой с двумя «языками» и докладывали своему начальству, что боевое задание выполнено.

11 марта 1945 г.

Принял дела от старшего лейтенанта Клещева – приступил работать заместителем командира отдельного саперного батальона 243 по политчасти. Постоянно. Принял «дела».

14 марта 1945 г.

В деревне (в какой, не знаю).

Днем огневой налет следовал один за другим, и все время надо было искать укрытие (а укрытия-то и нет). Здесь вчера были немцы. Ужасные следы войны. Кажется, я к ним привык. Днем, по пути на передовые, нам встретились две женщины с четырьмя детьми. Издалека они кричали по-русски: «Здравствуйте, сынки!» Русские! Наши люди! Из Германии идут домой в Ленинградскую область. Десять дней они сидели в подвале в соседнем отсюда населенном пункте. Я был сегодня в той деревне. Ни одного квадратного метра стен не осталось целыми. Сколько там трупов! На улице грязь по колено. Грязь, красная от крови. Десять дней там жили двое женщин с малолетними детьми.

Я встретил их под огнем дальнобойной артиллерии противника. Я сказал им приказным тоном:

– Торопитесь. Здесь вам нечего делать. Здесь зона артиллерийского огня, здесь фронт.

– Да мы, сынок, не то видели,– ответила одна из женщин.

– Спешите, – сказал я на прощание. – Найдите ближайшего коменданта. Спешите домой. Вам нечего делать в этой проклятой стране!

Мой отец погиб в Польше в 1916 году. Я нахожусь в Германии, на войне, в самом пекле. Но чтобы моему сыну Вадиму не надо было топтать по этим грязным и кровавым полям!

Провел сегодня ряд бесед, сам лично выпустил довольно хороший листок «Молния». Всё это под огнем. Противник перешел в контрнаступление слева. Контратака отражена. Но война продолжается.

15 марта 1945 г.

Хорошая комната уцелевшего дома. Эта деревянная сохранилась лучше других. Утром проснулся от сильных взрывов. Штукатурка и щебень с потолка падали на нас. Оказывается, дальнобойная артиллерия бьет по третьему этажу нашего дома. Один там был человек, и того убили.

На дороге, покрытой булыжником, жидкая грязь, в некоторых местах до полуметра. Посреди дороги валяются бесформенные фигуры, облитые грязью. На первый взгляд, они кажутся бревнами. Однако это – человеческие трупы. Они раздавлены гусеницами танков и самоходок, облиты жидкой грязью, и теперь по ним идет непрерывная колонна автомашин.

16 марта 1945 г.

Идут ожесточенные бои. От нас осталось до Балтийского моря не более четырех километров. 11-я армия (справа) вышла к морю, заняв около тридцати населенных пунктов. Немцы сопротивляются яростно. Наша дивизия взяла до ста пленных за день. В 55-м стрелковом полку вчера было 35 человек, сегодня и того не осталось. 52-й стрелковый полк стоит в резерве, вернее, стоят в резерве номера полка.

Ходил сегодня в политотдел дивизии. Спросил, какие имеются последние установки.

Установки короткие: выйти к Балтийскому морю.

Жестокий бой продолжается. 55-й и 63-й стрелковые полки пошли в атаку за танками. Танков было больше, чем бойцов. «Фердинанды». Поединок. Отсутствовало взаимодействие с артиллерией. Большие потери. Отход на исходные позиции. Артиллерия ведет сильный огонь, но с опозданием. Непрерывный гул. «Скрипачи» отвечают. Трудно разговаривать. Роты отдыхают ночью несколько часов. Грязь на дорогах и полях не уменьшается. Полметра грязи, а под ней твердый, замерзший труп. Убитые кругом. В темноте постоянно спотыкаешься о трупы.

Неужели существует уголок мира, где тишина, где стоят уцелевшие (целые) дома, где чистые, уютные квартиры, телефоны, чистые салфетки на столах, сухие улицы, отсутствие трупов... Нет, всё это кажется невероятным.

18 марта 1945 г.

Вот оно – Балтийское море. Я невольно остановился и любовался зрелищем. До Балтийского моря не более двух километров. Помню, когда ехал из Кеми в Ухту, то, не доезжая до Ухты, с одной высоты видно озеро Куйтто. Какие чувства оно возбуждало после долгой разлуки! – озеро, на берегу которого я родился и провел детство! Хотелось, чтобы машина мчалась с быстротой молнии. А теперь перед нами – Балтийское море. Я видел берега, покрытые еще льдом, острова и заливы. После всего пережитого хочется приветствовать Балтийское море. Ведь оно омывает Ленинград, где я жил более года, омывает Ориенбаум, Петергоф, которые связаны с воспоминаниями моего детства и юности. Два километра – и потом кончится наш путь смерти, крови и слез. Неужели осталось два километра, когда мы прошли дорогами войны сотни и тысячи километров! Неужели осталось два километра, когда позади около четырех лет войны?!

Под вечер мы пришли в поселок. Противник отступил на окраину поселка и теперь сидит в трехстах метрах от нас. Дома поселка охвачены пламенем. Кругом рвутся мины «скрипачей» и авиабомбы. Между домами по улице можно ходить только перебежками – открытое пространство находится в секторе обстрела вражеского пулемета. Из моего батальона тяжело ранило бойца. Двоих убило на моих глазах. Воздух наполнен гарью порохового дыма и пожаров. От разрывов земля поднимается столпами вверх.

19 марта 1945 г.

Начали копать землянку под прикрытием кирпичной стены (одна стена и уцелела). Вдруг прибежал разведчик и доложил, что три немца сидят в подвале трехэтажного дома (дом с первого до последнего этажа охвачен пламенем). Мы побежали туда. Действительно, через решетки окна подвального помещения высывались руки, и среди шума пожара доносился жалобный голос немца (немецкая речь в смеси с русской): «Камраде, товарищи!» У окна толпа бойцов. Кругом рвутся снаряды, и никто не хочет уйти в укрытие, и никто не принимает никаких мер. Я схватил у одного бойца топор и тыльной частью топора стал бить по решеткам. Один за другим выбивал железные колья. Бойцы схватили немцев за руки и стали вытаскивать их через окно. Большие вещевые мешки мешали тем пролезть через узкое отверстие. Один младший лейтенант нашел большой нож. Немец вскрикнул от испуга. Он, видимо, решил, что его будут резать. Младший лейтенант быстро разрезал лямки вещевого мешка, и один за другим из подвала вылезли три немецких

солдата с длинными, как у попа, волосами (таких волос я не видел у немцев), грязные, бородатые, потные. Вокруг рта и глаз круглые комья высохшей грязи. Лица испуганные, голоса дрожат от волнения. Они кричали наперебой:

– Спасибо, камраде!

Движениями рук и мимикой они объяснили, что в комнате один немец погибает и у него ручные часы.

Пошли сопровождать их в штаб. По пути разведчики поспорили, кому принадлежит заслуга захвата пленных. Спор чуть не закончился применением оружия. Мы с майором заступились за разведчиков нашей дивизии. Вернулись обратно к окну подвального помещения. Из окна идет дым, внутри – пламя. Там слышны стоны раненого. Я снял шинель, сумку и со старшиной пролез в окно. Стена подвального помещения толщиной в три метра! Три метра идти по узкому тоннелю, когда впереди пламя и дым. Дышать невозможно. Горят столы, матрацы, солома. Жуть! Хотелось вернуться обратно, но нельзя. Это же трусость. В углу – стоны раненого. Ползу туда. Обратно к окну – нельзя дышать. Кричу: «Есть ли у кого противогаз?» Ни у кого его не было. Набрал полные легкие воздуха и ринулся обратно к раненому. Старшина – следом за мной, со свечкой в руке. Раненый зацепился руками за мои колени и что-то взволнованно лепетал. Резко оторвал его руки и захватил за шею. Его ноги покрыты кирпичами и головешками (коридор подвала рухнул, и поэтому у них не было выхода). Резко вытащил раненого из-под кирпича и потащил к окну, сделал обыск. Часы кто-то успел взять, пока мы вели трех пленных в штаб. Взял документы. Вдруг вокруг нас начали рваться гранаты. Удивительно, что мы выбрались невредимыми. Раненого немца не оставили, хотя страшно трудно было тащить его через узкий трехметровый коридор. Наконец – свежий воздух. Кругом рвутся снаряды. Но всё же над нами небо! Далеко впереди – Балтийское море!

Батальон стал бороться с пожаром, чтобы спасти подвальное помещение. Спасли. Первые строки вечером писал уже там. Ночью заняли оборону. Проверял посты. Проверял знания бойцов о секторах наблюдения и обстрела. Почему-то вспомнились тактические занятия в Сийталампи. Здесь не занятия, а бой.

Старшина:

– Ну как, поели?

– Поели.

– Наелись?

– Наелись.

– Больше не надо?

– Давай!

20 марта 1945 г.

Богатые событиями и впечатлениями дни продолжают. Вчера вечером я боролся против огня и дыма, спас раненого немца. Сегодня в 15.00 мы опять пошли вперед. Противник отошел утром на два километра, и мы еле успевали за ним. Идем не к морю, а вдоль его берега на юг. Правый фланг уже достиг моря. Наступаем с севера на юг.

Немцы убежали, оставляя всё. Дома полны богатства, какое может быть в господских дворах: хрустальная посуда, ковры, старинные шкафы. Только всё это валяется на полу – разбитым, разбросанным, потоптанным грязными солдатскими сапогами. Окна разбиты, двери разломаны. Мы устроили свой командный пункт в такой комнате. Как раз собирались приготовить обед из трофейных продуктов. И вдруг от сильного взрыва вздрогнули дом и остатки стекол в окнах. Двор и комнаты окутались пороховым дымом, застонали раненные. Мы не успели толком понять, что произошло, как раздался второй взрыв, третий, четвертый. Стены раненых заполнили воздух. Невозможно было понять, сколько их, ведь в доме все комнаты были битком набиты людьми. Во дворе пять человек резали корову, варили обед. Людей было, как на ярмарке. Стали подносить раненых. Мой первый вопрос: «Есть ли раненые из нашего батальона?» Ответ отрицательный. Опять взрыв. Опять новые раненные. И как на грех – свою фельдшерицу мы оставили в хозчасти. Раненные умоляли о помощи. А у нас даже бинтов нет, не говоря уже о лекарствах или об умении лечить. Опять взрыв. Опять новые раненные. В течение нескольких минут наши «шикарные» комнаты превратились в битком набитый лазарет. Паркетный пол и ковры облились кровью. Мы решили переместиться в подвал и уже были там, как раздался новый взрыв. Ранило нашу лошадь у кухни. Зайков стал ругать ездового Кислякова за то, что тот плохо наблюдал за лошадью. Кисляков покорно пошел во двор. Опять взрыв. Опять убитые и раненные. «Панов убит! – объявили. – Кисляков ранен. Старшина Щевель ранен».

Мы выскочили из подвала. Панов лежал с разбитой головой. Старшина, раненный множеством осколков, лежал на полу и весело шутил (!). Героический человек! Во время перевязки раненых он помогал мне (я перевязал двоих раненых). Теперь он лежит в крови. Он ранен в пятый раз за время этой войны. Глаза его залиты кровью. Он жаловался то на холод, то на жару. А кому было время ухаживать за ним? Опять взрыв, опять убитые. Одних убитых возле нашего дома около двадцати. А сколько раненых!

Трогательная сцена с Кисляковым. Как его ни ругал майор Зайков, а теперь Кисляков сказал

почти с плачем: «У меня в повозке, в передке, вешевой мешок, в нем банка яблочных консервов. Возьмите её, товарищ майор. А мешок я хочу взять с собой».

Скоро приехала повозка за ранеными. Прощание со старшиной и с Кисляковым. Темно. Роты выполняют боевое задание под огнем станковых пулеметов. И моя вина, что фельдшерицы нет с ранеными – я отпустил её в тыл.

Кругом рвутся снаряды, горят и разваливаются дома. На окраине деревни бой. Убитые и раненные.

21 марта 1945 г.

Господский двор, где мы находимся, трещит и разваливается. Обваливаются стены. Мы переходим в другую комнату. Прямое попадание снаряда дальнобойной артиллерии береговой батареи. Убитые. Ночуем в комнате без окон. Кругом рвутся снаряды. Разлетелся чердак от прямого попадания. Стены не спасают. Переходим в подвал. Бой.

22 марта 1945 г.

Идет бой. Он идет беспрерывно уже десять дней. Мы сидели в комнате, когда что-то треснуло и рухнуло. Снарядом снесло крышу и раздробило потолок верхнего этажа. Наша комната и весь этаж заполнены дымом – нечем дышать. Пожар ликвидировали. Новый артиллерийский налет на улице.

Идет бой. Я всегда хотел жить полной жизнью – от края и до края, за которым близкий конец, смерть. Днем солнце. Красивый вид на Балтийское море. Там вода поднимается высокими сверкающими столпами от разрывов авиабомб. В воздухе без конца самолеты и разрывы зенитных снарядов. На земле осень и дым. Гул, трескотня, стоны раненных, последние вздохи убитых. Вот тебе и весна!

24 марта 1945 г.

Деревня Штуттенен.

Вчера пришли в эту деревню под сильным огнем. Два километра перебежками, по двое, с дистанцией между парами 40 метров. Навстречу много женщин и детей – русских, освобожденных Красной армией. Жарко. Старая-престарая старушка, одетая в большой тулуп, еле передвигает ноги. В одной руке – большая палка, другой рукой ведет мальчика лет пяти. Вой снарядов кругом. Во время разрывов снарядов старушка со своим внуком падает в воронки. Так она поступает и при выстрелах своей артиллерии. А когда «скрипачи» заводят свою песню, она бежит. Некому дать ей советы, некому и некогда учить её «военному делу». Десятки, может быть, сотни их бегут через поле, через липкую грязь, где ноги вязнут по ко-

лено, под непрерывными артиллерийскими налетами противника.

Трехэтажный дом сгорел. Руины еще дымили, когда мы заняли подвал. Горелые кирпичи, головешки, сгоревшие трупы заполняли подвал. Уборка подвала. Едкий дым и вонь не только от сгоревших трупов, но и ещё от чего-то. Рядом с нашим развалившимся домом – овраг. За оврагом противник. От нашего подвала до него не более ста метров. Из дома в дом можно перебежать только под прикрытием каменных заборов, короткими перебежками. Немецкие трупы на каждом шагу. Нам казалось, что сюда не будут стрелять немецкие «скрипачи», так как могут попасть по своим. Разочаровались. «Скрипачи» и дальноточная артиллерия стреляют непрерывно. Обгоревшие стены и потолок нашего подвала сыплются – обгоревшая штукатурка, вернее, что осталось от неё, падает от непрерывных разрывов. Наверху обваливаются стены и кирпичные трубы.

Война продолжается. Идем на юго-запад. Вчера сорок немцев поднялись с белыми флагами, чтобы сдаться в плен. Немецкий пулемет открыл по ним огонь. Попытка сдаться в плен провалилась.

Шофер командира артполка – молодой, красивый парень. Вооружен «до зубов» – парабеллум, наган, автомат, немецкая винтовка, пара гранат. В свободную минуту отправляется к позициям немцев и не возвращается без пленных. Недавно он захватил восемь немцев. Трудно одному вести восемь пленных. Он застрелил пятерых, а троих привел к своему командиру. Я долго разговаривал с ним. Очень веселый. Война для него – развлечение. Ему очень приятно рисковать своей жизнью. Он много рассказал о своих похождениях. Все события он видит в смешном, юмористическом виде. В его рассуждениях нет бахвальства. Он рассказывает о войне как о карточной игре, где ему удалось выиграть партию. Я думал, что такие типы встречаются только на страницах романов и в неудачных рассказах из журнала «Красноармеец». Впервые я встретил такого человека в жизни.

Когда писал, у окна нашего подвала разорвался снаряд с большим шумом. Осколки летели со свистом в комнату, но никого не задел. В подвале жарко. Провел с бойцами кое-какую работу, а потом решил, что пусть они отдыхают. Стены каменного дома накалились во время пожара и еще не остыли.

С отвратительным воем летят снаряды «скрипачей». Они воют долго, прежде чем достигнуть земли, и рвутся. Вот они приближаются... Я шучу: «Приготовьтесь, за нами прилетают. Готовы ли все?» Прислушиваемся к вою. Действительно, к нам. Целый залп снарядов «скрипачей» разорвался в развалинах над нами. Куски кирпича и песок посыпа-

лись на шею. Когда шум разрывов немного утих, лейтенант Куликов сказал: «Нет, не за нами. Я еще молод и еще ничего не видел. Я еще не успел пожить по-настоящему. Мне только 23 года».

25 марта 1945 г.

Как это быстро делается в жизни! В прошлую ночь, когда дивизия вела бой и бросала в огонь последних солдат и когда мы все были готовы пожертвовать собой для того, чтобы занять Линденберг, мы получили приказ сдать оборону нашей дивизии и уйти на отдых. Теперь нахожусь в семи километрах от Линденберга. Артиллерия почти не обстреливает эту деревню. Только сегодня я заметил, что весна в полном разгаре. Мы пришли сюда уставшие и грязные. Сухой песок и глина хрустели в зубах и между пальцами. Как приятно было привести себя в порядок! Мы постриглись, побрились, умылись в быстротечной речке, переоделись. Потом легли отдыхать. Только я долго не хотел лечь на койку. Хотел быть на воле, на солнечном воздухе. Солнце. Сухое. Лег на траву. Не верится, что теперь только март месяц. Такая погода у нас в Карелии бывает в конце мая и в начале июня, когда полевые работы в полном разгаре. Никогда запах весны не чувствовался мне так сильно, никогда весенний вечер не казался мне таким прекрасным, как сегодня. По речке плывет ночной туман. Поднимается луна. В районе дубовых деревьев чирикают птицы. Откуда они взялись в этих краях? Ведь прошла всего неделя, как здесь рвались гранаты.

29 марта 1945 г.

На самом берегу Балтийского моря. За заливом виднеются трубы лесопильного завода. Из труб поднимается густой дым. Туда через залив пять километров. Там немцы. Вчера нашу дивизию перебросили сюда оборонять берег. Нашему батальону дали участок в полтора километра. Спокойно. Тихо.

Вчера послал посылку Клаве. Пишем не получаем ниоткуда. Скупаю по Карелии. Хотя бы слово, адресованное мне! Я оторван ото всех. Ни один чёт в Карелии не вспоминает обо мне.

30 марта 1945 г.

Восточно-прусская группировка юго-западнее Кенигсберга ликвидирована! Митинги. Радость!

«Мы воевали в Карелии, разгромили финскую армию и вынудили Финляндию капитулировать. Мы прошли тяжелый боевой путь в Восточной Пруссии – разгромили немецкую группировку. Если нам выпадет счастье воевать в третьем решительном походе в центральных районах Германии, то мы готовы к этому походу» (из моего политдонесения от 30 марта 1945 г.).

Капитану Тимонену Антти Николаевичу Приказом № 258 от 27 января 1945 года и № 317 от 29 марта 1945 года Верховного Главнокомандующего маршала Сталина за отличные боевые действия при прорыве обороны немцев в районе Мазурских озер и в боях при разгроме восточно-прусской группы немецких войск юго-западнее Кенигсберга нашей части, в том числе и Вам, принимавшему участие в этих боях, ОБЪЯВЛЕНЫ БЛАГОДАРНОСТИ.

Командир части Золотарев

1 апреля 1945 г.

Прощай, Восточная Пруссия! Получили приказ сдать оборону и подготовиться к длительному маршу. Мы приданы к 31-й армии. Едем в распоряжение Первого Белорусского фронта, который дальше других фронтов углубился на территорию Германии.

Тишина. Такая тишина где-то в Петрозаводске, в Лоухи. Не верится после того, что было. Эта тишина – не для меня. Начинается третий поход, как передразнил меня по поводу моего выступления на офицерском вечере майор Зайков. Впереди новые бои, новые пожары, новое море огня и пламени, новые трупы...

*10 апреля 1945 г.
Деревня Кальваген.*

Ночью было темно. У повозок хозяйственного управления пылал костер, рядом большой тюк соломы. Укутавшись в плащ-палатки, спали бойцы. Красноармеец Горбунов шуровал головешки и караулил спящих. Закурил с Горбуновым и завел с ним разговор.

Он из Омской области, 1897 года рождения. Дома жена и трое детей. Жена в больнице, дети дома (старшему 16 лет, младшему 11 лет). Он четырежды ранен. Воевал на Западном фронте, лежал в госпитале в Архангельске, воевал на Ленинградском фронте, снова ранен, снова госпиталь, потом Карельский фронт.

– А другие всю войну околачиваются в тылу! – сказал он с какой-то горечью и рассказал о своем двоюродном брате, который за всю войну не был на фронте.

– В хозяйственном отделении хуже служить, чем в роте, – говорит он откровенно. – Я не боюсь ни работы, ни боя. Только больших переходов не могу переносить – ноги болят.

Я рассказал ему о событиях на фронте, об успехах союзников, о том, что весной мы наконец закончим войну.

– Да скорее бы! – сказал он равнодушно, тоном человека, которому не раз говорили о скором окон-

чании войны. Нет, не о легких победах, не о скором окончании войны надо рассказывать этим людям. Им нужно говорить правду в самом суровом виде. Они прошли огонь и воду. Они устали от войны.

Ночью сообщили, что нашими войсками занят Кенигсберг.

За все время пребывания в Восточной Пруссии сегодня получил первое письмо от Сони из Ленинграда. Как приятно! Перечитывал ее письмо несколько раз.

*Из письма Сони Игнатовой А. Тимонену
от 7 марта 1945 г.*

«Проклятые годы навсегда оставили в нашей жизни невозвратимую утрату. Ну что же, ведь не я одна, переживают это горе тысячи людей. И тебя я, Андрей, обязательно встречу, снова будем бродить по Ленинграду, и, наверное, это будет лето, а потом провожу в твой Петрозаводск, и мы останемся хорошими друзьями. Ты снова будешь работать, снова обретешь свой коллектив».

*Из письма А. Тимонена С. Игнатовой
от 10 апреля 1945 г.*

«Я помню весну в Ленинграде. Это было в 1935 году. Я любил Ленинград, особенно весной. В весеннюю ночь (а ночи там светлые, почти как у нас в Карелии) я гулял по берегу Невы. Если бы сейчас был в Ленинграде, мы бы обязательно пошли в парк, что на Кировском острове. Замечательный парк! А пока о такой прогулке можно лишь мечтать. С тех пор как я приехал в эти края, я почти не видел снега. Теперь зеленеет трава и на деревьях появилась листва. Здесь живописная местность. Но разве весна здесь кажется весной! Воронки от разрывов снарядов, на дне которых стоит грязная, гнилая вода, развалины, вонь от трупов, одинокие трубы сожженных и разрушенных домов, все это напоминает о том, что здесь было. Поэтому и приятный, теплый весенний ветер, и зеленая трава не могут пробудить такого чувства весны, к какому мы привыкли когда-то до войны. У нас приближается другая весна, весна победы.

6 мая 1945 г.

Второго мая наши войска овладели Берлином. Гитлер, Геббельс покончили самоубийством. На Западном фронте идет капитуляция немецкой армии.

Ночью неожиданно подъём. Время два часа. Ничего не видно. Получена шифровка о передвижении. Суматоха. Погрузка имущества. 50-километровый переход. Ехал верхом, часть пути на велосипеде.

Получил вчера шесть писем, позавчера три пись-

ма, до этого еще два письма. Только ни строки нет из Карелии. Почему мне никто не пишет из Карелии?!

7 мая 1945 г.

Передвигались всю ночь. Полк шел пешком. Я верхом на коне. Дождь, ветер. Промокли насквозь. Дремал на седле и дрожал от холода. Иногда шел пешком, чтобы согреться.

Мне вспоминалась эта же ночь год тому назад. Ночь с шестого на седьмое мая 1944 года. В это время мы шли по Большому мосту, в это время кололи дрова, теперь поужинали, а потом сидели всю ночь, забывая и время, и место. Да, это не повторится!

9 мая 1945 г.

Восьмого мая мы освободили чешский город Семили, который находится в Моравии, на северо-западе от Праги. Вечером праздновали с мирными жителями города, танцевали до утра. Весна была в полном разгаре, тепло. Спать легли прямо под открытым небом. Я устроился под тачанкой. Рано утром проснулся от того, что связной толкает меня и кричит:

– Товарищ капитан, вставайте быстро, вызывает начальник политотдела. Война кончилась. Мы победили!

А кругом играет баян, люди смеются, обнимают друг друга и кричат, словно это было словами песни: «Победа! Победа!»

Я вскочил так стремительно, что ударился о колесо тачанки. Прямо искры в глазах. А сам смеюсь. Так для меня начался день Победы.

Да, я уцелел. Как и почему? После Победы мы с болью чувствовали, что среди нас нет наших друзей, которые тоже хотели встретить этот день, мы

представили, как мы поедем на родину с победой. Сколько матерей будут смотреть на нас с грустью: «Да, ты уцелел. А мой сынок не вернулся...»

Ко дню Победы мы стали другими, чем были в начале войны. Не только по возрасту. Начала пробиваться первая седина на висках, хотя мы начали войну юношами. За девять дней до Победы мне исполнилось 30 лет. Это немного, но много было пройдено.

Многое А.Тимонен увидел и понял через войну. В нем укрепилось чувство любви к человеку, к своему народу. На фронте были заложены основы тех нравственных представлений, которые определили отношение А.Тимонена к жизни, к людям и которые отразились в его послевоенных книгах, о чем он говорил на встречах с читателями:

«Мне уже доводилось говорить, как довольно точно я определил, когда и где закончилось мое раннее детство и детство вообще. А вот когда и в какой стране, на каком фронте и в каком бою мы попрощались с юностью, ни я, ни мои ровесники не успели заметить. Победив в самой тяжелой войне, отнявшей жизнь у миллионов наших товарищей, мы возвращались на Родину людьми старше своего возраста.

Служба в армии – две войны, довоенная и послевоенная служба заняли у меня девять лет, но когда в часы усталости и отдыха прошлое всплывает в памяти, первыми вспоминаются именно эти годы. Вспоминаются с такой теплотой, что однажды, много лет назад, я написал на обложке военных дневников: «Если ты скажешь мне снова, я снова все это пройду».

□

Юрий Иванович ДЮЖНЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжневым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

